

100

К. МРЕНЕВ

ПОДКОВОДЕЦ

ИСКУССТВО

К. ТРЕНЕВ

ПОЛКОВОДЕЦ

*Пьеса
в четырех действиях,
одиннадцати
картинах
с
эпилогом*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва . Ленинград

1913

Разр, ГУРК №391/44-го от 28/VIII 1944 г.

Обложка художника Б. Шварца

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кутузов Михаил Илларионович
Багратион
Барклай де Толли
Ермолов
Дохтуров
Коновницын
Беннигсен
Платов
Давыдов
Раевский
Толь
Вольцоген
Вильсон
Иловайский
Болговский
Кайсаров
Адъютанты Кутузова, Багратиона и
других

Назар — денщик Кутузова
Наполеон
Мюрат
Даву
Дарю
Боссе
Бессьер
Бертье
Брусье
Коленкур-старший
Коленкур-младший
Вельяр
Лористон
Ней
Беранже
Бонами
Визапур
Лессепс
Рапп
Врач
Адъютанты Наполеона и других

Русские крестьяне и крестьянки и среди них: Хрол, Трифон, Матрена, Иван, Маша, бурмистр, Микитай, Карповна и другие; русские генералы, офицеры и солдаты; казаки и среди них вахмистр Сибилев и другие; французские генералы, офицеры и солдаты.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На Бородинском поле накануне сражения. Вечерет. На сцене Багратион и Давыдов.

Багратион. Я доложил князю о вашем предложении. Он одобрил и разрешил вам партизанские действия.

Давыдов (*радостно*). Спасибо, ваше сиятельство. Я считаю, что партизанскими действиями я помогу гораздо больше, чем состоя в свите даже вашего сиятельства.

Багратион. Bravo, Давыдов.

Давыдов. Но, кроме одобрения и разрешения, мне нужны также казаки и кавалерия.

Багратион. Его светлость дает их вам.

Давыдов. Сколько?

Багратион. Сто пятьдесят казаков.

Давыдов. Только!..

Багратион. И пятьдесят гусаров.

Давыдов. Ваше сиятельство, дело огромного значения и размаха. Мне нужно тревожить и расстраивать тылы и связи французской армии. Я подниму народную войну.

Багратион. Его светлость так и полагает, что если вы точно поднимете народную войну, то непременно обростете народом. Как вы, чувствуете это?

Давыдов. Чувствую, что обросту, ваше сиятельство.

Багратион. Князь надеется очень скоро услышать об этом. Желаю успеха. *(Пожимает руку Давыдову.)*

Давыдов уходит. Появляется Кутузов в сопровождении Барклая, Емолова, Дохтурова и других.

(Кутузову.) Смее доложить, ваша светлость, что на левом фланге наши позиции очень слабы, и если Наполеон бросится именно на левый фланг...

Кутузов. А почему же ты, князь, полагаешь, что он бросится именно на левый фланг?

Багратион. Полагаю, хотя планов его мы и не знаем.

Кутузов. Планов не знаем, но манеру и походку его я знаю.

Багратион. Какую именно, ваша светлость?

Кутузов (*отведя Багратиона в сторону, тихо*). Его прием — сразу ударить с фронта, чтобы, если не прорвать, то раздавить и, используя удар, обойти с фланга.

Багратион. А ведь верно! Это в его вкусе.

Кутузов. Значит, надо готовить угощение по вкусу гостя.

Развязно подходит Вольцоген. Багратион взглянул на него гневно-вопросительно. Вольцоген стушевался.

Багратион. Что ж, центр у нас крепок. Здесь и резервы.

Кутузов. Отсюда мы и будем их бросать, где потребуется, на фланги.

Багратион. Правый фланг защищен крутыми берегами Колочи. А вот левый слаб.

Кутузов. Вот это и нужно показать Бонапарту: приманочку. Здесь в засаду поставь корпус Тучкова, а за ним в резерве московское ополчение. Здесь, у Семеновского, и надо строить флеши.

Барклай. А если он прорвет их и станет обходить?

Кутузов. Обойти не сможет, ибо мы, в

крайнем случае, сможем отходить по широкой и прямой новой Смоленской дороге в четыре подводы. И сможем за Можайском ждать, пока он подойдет по плохой и далекой старой дороге.

Багратион. Что ж, будем стоять грудью

Кутузов. Мало. Надо стать так, чтобы он об эту грудь лоб разбил. Ты говоришь, левый фланг слаб. И Бонапарт так думает. А я скажу тебе на ушко, под секретом: там стоит грозная, несокрушимая твердыня.

Багратион. Какая, ваша светлость?

Кутузов. Русский солдат под командованием Багратиона. *(Подходит к остальным.)* Вот об этом-то Бонапарт и не осведомлен.

Легкий поклон Багратиона.

Багратион. Завтра я его осведомлю, ваша светлость. Наконец-то завтра мой первый настоящий день.

Барклай. Для многих это последний день.

Багратион. Я говорю о себе, князь.

Барклай. А я о себе, князь.

Дохтуров. А я о себе так скажу: не люблю, ей-богу, Михаил Богданович, что в последние дни вы, действительно, ищете своего последнего дня.

Барклай. Но вы обещали, кажется, сказать о себе.

Дохтуров. А о себе я так полагаю: прожил день, значит, это был хороший последний день, а назавтра начну первый день, самый лучший.

Багратион. Bravo, bravo!

Кутузов. Как идет работа по укреплениям?

Барклай. Лопат и шанцев.го инструмента мало.

Кутузов. Значит, Растопчин ничего не прислал?

Багратион. Напрасно ждали, ваша светлость.

Кутузов. А я, голубчик, и не ждал. (Уходит с частью штаба.)

Вольцоген. Я считаю, господа, ошибочным сейчас давать сражение. Нам нужно беречь армию, а не пространство, так как армия Наполеона сейчас больше и сильнее, чем наша.

Багратион. Крайне интересно знать, господин адъютант Вольцоген, откуда у вас сведения о численности армии?

Вольцоген. Я, ваше сиятельство, рассуждаю.

Багратион (вспылив). Не рассуждать! Знайте свое адъютантское место и ступайте на него. Налево кругом.

Вольцоген, презрительно улыбаясь, уходит.

Они все знают, всему учат, эти наемники.

Вчера дома у себя учили пруссаков, как нас завоевать, сегодня пришли к нам в дом учить нас, как нам защищаться.

Дохтуров. Дорогой князь, зачем обижать, они тоже сражаются за Россию.

Багратион. За тридцать сребренников.

Дохтуров. Неправда, среди них много честных служак.

Багратион. Не слишком ли много честности — служить чужому делу. Чужому дому. Все уходят. Выходит Беннигсен в сопровождении свиты.

Беннигсен. Дисциплина, господа, у наших солдат еще туда-сюда, но выправка — из рук вон. А это что за часть расположилась внизу?

Адъютант. Это корпус Тучкова.

Беннигсен. Зачем же внизу? Чтобы враг сверху напал? Выдвинуть его вот туда, к деревне, чтобы нам врага иметь внизу и самим напасть сверху. Такова экспликация.

Проходят солдаты, крестятся, шепчут: «Заступница усердная, спаси, помилуй!» Становятся перед Беннигсеном во фронт.

(Фамильярно.) Ну, как, ребята, имели сегодня шнапс по чарочке?

Первый солдат. Так точно, ваше высокопревосходительство. Только многие отказались пить.

Беннигсен. Отказались? Почему?

Второй солдат. К великому дню народ готовится, ваше высокопревосходительство.

Беннигсен. А-а... (Кивнул головой.) Русский человек отказывается от водки. Действительно, небывалый день. (Смотрит им вслед.) А выправка плоха. Шаг не четкий. (Уходит.)

Солдаты располагаются лагерем. Спускаются сумерки. Зажглись костры. Играют зорю. Солдаты укладываются спать. Слышны отдельные их реплики:

— Ну, господи благослови. Держись у меня, француз, завтра!

— А ты завтра с им и поговори, а нынче спать не мешай.

— Нынче я, может, с тобой разговариваю.

Сонный храп. Доносится пение тропаря.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

БОРОДИНСКИЙ БОЙ

С Ц Е Н А 1-я

Ставка Наполеона. Рассветает.

Наполеон. Неприятель не ушел?

Бертье. Нет, ваше величество, все на вчерашних позициях.

Наполеон. Ага, наконец, они поймались. Идем открывать ворота Москвы. Даву, ваш корпус обрушивается на левый фланг неприятеля.

Даву. Да, конечно, обойти его.

Наполеон. Нет. Если неприятель стоит на позиции, о которой вчера донесла разведка, обход отменить. Надо этот слабый фланг прорвать с фронта. Если Кутузов разгадал меня, то и я его понял. Компан! Вашей дивизии предоставляется высокая честь начать бой. Вы атакуете левый фланг. Богарнэ, вы атакуете правый фланг у деревни Бородино, чтобы отвлечь внимание неприятеля от левого фланга, куда устремляется, вслед за корпусом Даву, Мюрат и за ним Ней. Понятовский здесь больше не понадобится, так как этим все будет кончено. Господа, идите и принесите мне победу.

Маршалы и генералы уходят. Вдруг взошло солнце.

(Торжественно.) Вот оно, солнце Аустерлица!

Боссе. Какие исторические слова!

Бертье. Сейчас он скажет вещие слова, как сказал в Египте о сорока веках, смотрящих с вершин пирамид.

Дарю. Вещими словами не надо злоупотреблять.

Наполеон (вдохновенно). Воины, вот сражение, которого вы так желали. Пусть познейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в сей день и скажет о каждом из вас: он был под Москвой.

Начинается канонада, которая разгорается с каждой минутой. Один за другим к Наполеону скачут адъютанты.

Первый Ваше величество! Компан тяжело ранен.

Пауза.

Второй. Ваша величество, маршал Даву тяжело ранен Убито четыре генерала.

Наполеон. А войска?

Второй. Отступили.

Третий. Ваше величество, маршал Ней просит подкрепления.

Наполеон. Сколько пушек введено в действие?

Третий. Пятьдесят, ваше величество.

Наполеон. Ввести еще сто. Ну, генерал Кутузов, шахматы расставлены. Игра началась.

Канонада разгорается. Наполеон молча ходит.

Затемнение.

С Ц Е Н А 2 я

Багратионовы флеш.

Только что отбита очередная атака. Солдаты убирают раненых. Готовятся к следующей атаке.

Багратион (*наблюдая поле сражения*).
А где же дивизия Воронцова?

Адъютант. Она истреблена. Воронцов тяжело ранен.

Багратион. Вывести из засады корпус Тучкова.

Адъютант. А он и не был в засаде, ваше сиятельство.

Багратион. Как не был? При мне светлейший откомандировал его в засаду.

Адъютант. По приказу Беннигсена стоит без дела под огнем.

Багратион. Дурак немец или изменник? (*Солдатам.*) Спасибо, ребята. Хорошо отстояли и пятую атаку. (*Гренадеру.*) Ты ранен, братец?

Гренадер. Никак нет.

Багратион. Как нет! Весь в крови! Отвести на пункт.

Гренадера уводят.

(*Другому солдату.*) Тоже ранен? На пункт.

Солдат. Дозвольте остаться, ваше сиятельство.

Багратион. Увести.

Солдата уводят.

(Ратнику.) А, новый, еще не бывал в бою?

Ратник. Не приводил бог.

Багратион. Страшно?

Ратник. Так точно, не приведи бог.

Входит адъютант.

Адъютант. Генерал Барклай прислал в подкрепление еще два полка.

Багратион. Спасибо. Кажется, Барклай больше заботится обо мне, чем о себе.

Адъютант. О себе он вовсе не заботится. Все время впереди солдат, с обнаженной шпагой, в полной форме.

Багратион. Все смерти ищет...

Адъютант. А генерал Милорадович рассердился и сказал: не допустит, чтоб Барклай был впереди него. Прошел вперед и стал завтракать на самом опасном месте.

Багратион. Молодец! Bravo! Передать Милорадовичу, что я приду к нему обедать, как только прогоню французов.

Слышен гул приближающейся атаки.

Голоса солдат. Летят. Летят!..

— Тучи тучами!

- Конца краю нет!
- Братцы, а передний генерал в перьях!
- Это самый что ни на есть Мюрат.

Солдаты и гренадеры, раненые, вернулись и, прячась от Багратиона, становятся на свои места.

Багратион (*заметив их*). Вы зачем вернулись?

Гренадеры. Так что заблудились, ваше сиятельство.

Солдаты. Позвольте остаться, силов негунтти.

Багратион махнул рукой. Подбежал адъютант, докладывает.

Адъютант. Генерал Тучков убит.

Багратион. Принять бой дивизии Коновницына. (*Всматривается в наступающего неприятеля.*) Как идут! Как идут! Без выстрела. Bravo, bravo! Дать картечь. (*Ушел.*)

Команда, залп. Французы появляются на флешах и вытесняют русских. Впереди генерал Бонами.

Бонами. Солдаты, поздравляю вас! Вы в объятиях славы!

Русские с криком «ура» выбивают французов. В схватке ратник, обхватив Бонами, берет его в плен. Солдаты, прогнав французов, занимают прежние места. Входит Багратион.

Багратион. Спасибо, братцы. (Подходит к Бонами.) Вы кто?

Бонами (в ужасе). Я... маршал Мюрат.

Багратион. А... (Ратнику.) Вот, брат, какая птица тебе досталась.

Ратник. Покорно благодарю.

Первый солдат. Да это не Мюрат. Тот в перьях.

Второй солдат. Верно. Без перьев какой может быть Мюрат...

Третий солдат. Да, может, повыщипали.

Багратион (Бонами). Так кто же вы?

Бонами. Генерал Бонами.

Багратион (ратнику). Оказывается, брат, ты не Мюрата поймал.

Ратник. Виноват, ваше сиятельство.

Начинается ураганный обстрел. Багратион, командуя вскочил на флеш и скрылся. Через минуту оттуда слышатся встревоженные голоса, чувствуется смятение. Выходит Коновницын.

Коновницын. Скорей доложите фельд-маршалу — Багратион тяжело ранен.

Багратиона выносят.

Багратион. Пустите, я хочу видеть...

Его удерживают.

Хорошо... Оставьте меня здесь... Что там?

К о н о в н и ц ы н. Мы стоим крепко.

Б а г р а т и о н. Слава богу!

А д ъ ю т а н т. Барклай прислал новое подкрепление.

Б а г р а т и о н. Передайте Барклаю, я его глубоко уважаю. На него великая надежда сейчас. А смерть в бою нельзя найти, пока она сама тебя не найдет. За родину, други!.. (Теряет сознание.)

Е го у н о с я т. На флешах появляются отступающие.

Г о л о с а с о л д а т. Багратион ранен!..

— Ой, багюшки, ой-ой-ой!..

— Ты чего, Петров, застонал?

— Пальцы оторвало...

— Спихватился. Когда оторвало, а когда застонал...

Петров стонет.

— Молчи. Маслову, вон, голову оторвало, да молчит.

— Да ведь голову с нас сняли — без Багратиона теперь!

— Дохтуров... Дохтуров на место Багратиона скачет.

— Дохтуров — не Багратион.

— Не Багратион, да зато Дохтуров.

— А чего Дохтуров?

— А того, что мы с ним Смоленск отстояли. Пули-ядра над ним свистят, а он сидит себе на коню, покуривает.

Подходят новые солдаты.

Г о л о с а. Скачет, скачет Дохтуров. На четырех лошадях прискакал.

— Как так -- на четырех?

— Да трех по дороге убило.

Доносится приближающаяся команда Дохтурова, затем он сам выходит на флешу, здоровается с солдатами.

Д о х т у р о в. О, да у вас тут жарко.

Г о л о с а. Не зябнем, ваше высокопревосходительство.

Д о х т у р о в. Не отступим, ребята?

Г о л о с а. Зачем же! Не дай бог...

— Постоим до смерти...

Д о х т у р о в. До смерти — больно долго стоять тут нам придется... (Засмеялся.) Нет, смерть мы пошлем врагу.

Общий смех.

А мы, братцы, за жизнь родины постоим.

Г о л о с а. Постоим, ваше высокопревосходительство.

Д о х т у р о в. Ну, вот, вы стойте, а я тут среди вас посижу. Годы ведь. Шестой деся-

ток достаиваю. (Берет барабан, поднимается с ним на бруствер, садится на барабане.)

Г о л о с. Там, ваше высокопревосходительство, больно жарко.

Д о х т у р о в. А старику в самый раз. Вроде как на печке.

Г о л о с. Пули резво свистят.

Д о х т у р о в. А пусть. Это не мои. Моя пуля еще не вылита. На каждой пулке написано, для кого она **вылита**.

Смех. Ураганная канонада.

Затемнение.

С Ц Е Н А 3-я

У Наполеона. Там же, вторая половина дня. Наполеон в угрюмом молчании сидит на барабане. Позади, поодаль, штаб. Тихо переговариваются.

Б е с с ь е р. Что с ним?

Б е р т ь е. Двадцать лет сражаюсь с ним рядом и никогда не видел его таким растерянным, беспомощным.

Б р у с ь е. Но ведь и сражения такого мы никогда не видали. Семь часов бьемся, и все на месте. Не можем взять курган.

Б о с с е. Но император до сих пор еще не завтракал.

К о л е н к у р - с т а р ш и й (*подошел к Наполеону*). Ваше величество, пошлите меня с двумя корпусами. Клянусь, я сейчас же буду на кургане.

Н а п о л е о н . Возьмите.

К о л е н к у р - с т а р ш и й (*уходя, брату*). Прощай, Арман. Я буду на кургане или не вернусь. (*Уходит.*)

К Наполеону подскакал адъютант.

А д ъ ю т а н т . Маршал Мюрат просит подкрепления для последнего, сокрушающего удара.

Наполеон молчит. Подскакал Вельяр.

Н а п о л е о н . Ну?

В е л ь я р . Полная победа, ваше величество! Все, что было перед флешами, уже взято нами.

Н а п о л е о н . А флеша?

В е л ь я р . Сейчас будут взяты. Ней уже видит Смоленскую дорогу в тылу у русских. Нужна одна только дивизия для седьмой и последней атаки.

Н а п о л е о н . Я приказал опрокинуть неприятеля!

В е л ь я р . Приказ исполняется, ваше величество. Три корпуса кавалерии обрушились на неприятеля.

Н а п о л е о н . А неприятель?

Вельяр. Сопрогивляется, ваше величество, стоит.

Наполеон. Так уничтожить. Сколько там орудий?

Вельяр. Двести.

Наполеон. Дать еще двести. Мир еще не видел такого количества орудий, какое я здесь даю сегодня.

Все заволакивается дымом. Подскакал адъютант.

Адъютант. Маршал Жюно просит подкреплений.

Второй адъютант. Граф Понятовский...

Наполеон. Просит подкрепления... Скажите Понятовскому — польскую корону он получит только здесь. (Бертье.) Что они? Сговорились сегодня? Не могут взять самый слабый—левый фланг! Надо прорвать центр. Не могу же я маневрировать, пока армия скована в центре.

Подошел Боссе.

Боссе. Ваше величество, надеюсь, теперь уже можно поздравить вас с победой,

Наполеон молчит. Подскакал адъютант.

Адъютант. Ваше величество, генерал Коленкур на кургане...

Наполеон. Ага...

Адъютант. Убит.

Коленкур-младший рыдает. Наполеон подходит к нему.

Бертье. Сегодня это уже сороковой генерал.

Дарю. Да. Вот вам и «вещие слова»... Сорок мертвых генералов уже смотрят с этих высот, а солнце еще высоко... Это не солнце Аустерлица...

Наполеон (*Коленкуру-младшему*). Враг убил вашего талантливого брата, — скорблю. Он хочет убить мой талант...

Маршалы перешептываются. Затем к Наполеону подходит Дарю.

Дарю. Ваше величество, действия армии скованы потому, что установилось зловещее равновесие сил. Чтобы нарушить его, необходимо пустить в дело старую гвардию.

Наполеон. Я не могу лишиться гвардии за восемьсот миль от Парижа.

Боссе (*улыбаясь*). Но завтрак, ваше величество, не за восемьсот миль, а рядом. И никакое сражение не может помешать вам...

Наполеон (*свирепо*). Подите к чорту! (*Бертье.*) Если завтра возобновится сражение, мы с вами не сможем воскресить гвардию. И не сможем ее заменить.

Бертъе. Но это будет завтра, а сегодня надо выиграть сражение.

Наполеон. Это не сражение — тяжелый сон.

Подскакал адъютант.

Адъютант. Дивизия Марана вся погибла.

Наполеон. Вся дивизия?.. В чем дело?

Адъютант. Но русских убито гораздо больше, десятки тысяч.

Наполеон. А сколько пленных?

Бертъе. Пленных пока... триста человек...

Адъютант. Мортъе ждет распоряжений вашего величества.

Наполеон. Передать приказ Мортъе, чтобы по крайней мере не отступал и удержал позиции. *(Про себя.)* Что? Что происходит?

Затемнение.

С Ц Е Н А 4-я

В Горках.

Кутузов, окруженный штабом, сидит на скамейке. Наклонив голову, прислушивается к силе и направлению канонады.

Ермолов. Адская канонада!

Кутузов. Что-то на Баградионовых флешах словно стихло. *(Недовольно крикнул.)*

Прискакал адъютант.

Адъютант. Ваша светлость, неприятель занял Семеновское.

Кутузов (Ермолу). Поезжай, голубчик, узнай, помоги.

Ермоллов уезжает. Кутузов продолжает тревожно вслушиваться.

Кайсаров. Как будто стихает.

Кутузов. Это на флешах рукопашня.

Подскакал адъютант.

Адъютант. Ваша светлость, граф Растищин прислал саперные инструменты.

Кутузов (подняв голову). Благодарю графа от лица армии за своевременную помощь.

Подскакал адъютант.

Адъютант. Ваша светлость, генерал Дохтуров доносит: Багратионовы флешы заняты неприятелем. Генерал просит...

Кутузов. Подкрепления?

Адъютант. Никак нет. Просит не сомневаться: неприятель будет выбит.

Кутузов. Передай Дохтурову спасибо. Пусть держится. Сейчас будет подмога. (Платову.) Выручай, Матвей Иванович. Вместе с корпусом Уварова поскорей обойди неприятеля с его левого крыла. Ударь из-за речки Колочи.

Платов. От лесочка?

Кутузов. От лесочка.

Платов. Слушаю, ваша светлость.

Кутузов. Ударь, голубчик, коротенько.
Далеко зарываться не надо.

Платов уходит. Входит Вольцоген.

Вольцоген. Ваша светлость, генерал Барклай де Толли доносит: неприятель овладел всеми позициями. Войска всюду в беспорядке отходят. Возможно паническое бегство. Генерал предлагает отступление, иначе не ручается...

Кутузов (*гневно*). Не ручается? Я ручаюсь. Передай Барклаю, что он ничего не видит. Я вижу лучше его.

Вольцоген. Барклай дерется там впереди всех, как лучший солдат.

Кутузов. Впереди всех? Это еще не лучший генерал. А солдат своих он плохо знает, если позволяет говорить об их бегстве. Барклай не видит, что они решили не отступить! Передай ему приказ — немедленно атаковать.

Вольцоген уезжает. Кутузов наклоняет голову, слушает канонаду.

(*Тихо.*) Так, так...

Кайсаров. На батареях опять стихает.

Кутузов. Не стихает, а удаляется.

Прискакал адъютант.

Адъютант. Ваша светлость, генерал Ермолов прогнал с кургана дивизию Брюсье. Мюрат взят в плен.

Кутузов. Ну, какой там Мюрат... Мюраты в плен не сдаются. (*Кайсарову.*) Объявить по фронту, что маршал Мюрат взят в плен.

Возвращается Вольцоген.

Вольцоген. Ваша светлость, генерал Барклай де Толли просит письменного подтверждения приказа об атаке.

Кутузов. Подтверждения? Пусть он там на месте его получит.

Вольцоген. У кого, ваша светлость?

Кутузов. У любого русского солдата. Ступайте, господин Вольцоген.

Вольцоген уходит. Входит Ермолов.

Что там?

Ермолов. Курган пока за нами. Неприятель неожиданно ослабил атаку. С кургана видно, что несколько корпусов вдруг бросились к своему левому флангу.

Кутузов. За речку Колочу?

Ермолов. Так точно.

Кутузов. Так, так. (*Про себя.*) Ну-с, генерал Бонапарте, вы так любите обхватывать

чужие крылья. Угодно ли на своих попытать?
(Ермолову.) Ты бы, голубчик, закусил.

Ермолов. Успеется, ваша светлость.

Кутузов. Милорадович — тот под пулями давно уже позавтракал. А мы тут в тишине — пообедать еще не успели. Накрывай, Назар. Читай молитву.

Назар (накрывая стол). Очи всех на тя, господи...

Разрыв снаряда рядом. Назар останавливается.

Кутузов. Читай, читай... или вышибло?

Назар. Никак нет... Очи всех на тя, господи... ваша светлость!.. уповают, и ты даешь им пищу... ваша светлость...

В бой проходит Измайловский полк с песней:

Ты пришли ко мне Суворова,
Суворова, князя Рымникского...

Кутузов. О Суворове... (Адъютанту, ука-
зывая на старого солдата.) Подзови-ка вот это-
го измайловца.

Адъютант подводит солдата.

Суворова приходилось видеть, голубчик?

Измайловец. Так точно, ваша светлость.

Кутузов. Где?

Измайловец. В Измаиле, як вони перед хронтом вашу светлость целовали, то я був тут.

Кутузов. А, земляки... фамилия?

Измайловец. Явтух Макотрусенко.

Кутузов. Ну-ка, выпей, Макотрусенко, чарку.

Измайловец. Никак нет, ваша светлость.

Кутузов. Почему?

Измайловец. Не пью до сокрушения врага.

Кутузов. Ну, за мной две. С богом, в огонь, Явтух Макотрусенко.

Измайловец побежал догонять полк. Вслед
Платов.

Ну, как, Матвей Иванович? Благополучно вернулся?

Платов. Пришлось, ваша светлость. Три корпуса навалились, незадача вышла.

Кутузов (целует его). Задача выполнена. Спасибо, голубчик. Кайсаров, отдавай назавтра приказ атаковать разбитого неприятеля для решительного разгрома и изгнания его из священной земли русской.

Канонада усиливается. Подъезжают адъютанты с донесениями.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

П И Л И

Конец заседания Военного совета. При поднятии занавеса горячо говорит Беннигсен.

Беннигсен (продолжая) ...Поэтому я всею русскою душою против оставления священного и безмерно дорогого всякому русскому человеку и, так сказать, сердца России — Москвы. Вот что я имел сказать.

Кутузов. Вы уже сказали это, барон.

Беннигсен. Я не все сказал, князь. Я не сказал, что с потерей Москвы неисчислимы будут потери казны и частных лиц.

Дохтуров. Что такое потери и горести частных лиц перед общим горем — потерей Москвы!

Раевский. Тяжело было бы отдать Москву, потерпев поражение, но отдать ее, одержав победу без единого выстрела, — невыносимый позор!

Ермолов. Но отдать ее после поражения — тоже не велика слава.

Коновницын. Значит, надо здесь бой дать?

Ермолов. На неприемлемой позиции?

Раевский. Какое же, Алексей Петрович, ваше мнение?.. За сражение или против?

Ермолов. Здесь уже высказаны за и против два авторитетнейших и противоположных мнения — Беннигсена и Барклая. Третьего мнения по логике не может быть. Сейчас нужно не наше мнение, а единое решение его светлости.

Дохтуров. А вот за стенами тоже высказано единое мнение и принято решение, — солдаты решили Москву не отдавать.

Беннигсен. Да, ни они, ни народ нам оставления Москвы не простят.

Тяжелая пауза.

Кутузов. Господа, я слышал ваши мнения. Сколько голов, столько умов, а отвечать одной голове, за разбитые горшки платить мне.

Пауза.

Беру все на себя одного... Здесь больше говорилось о Москве, чем о России, но Россия больше Москвы. С потерей Москвы не потеряна Россия. Не знаю, простит ли народ потерю столицы нам. Но врагу он потерю Москвы не простит. Это я знаю, и этим мы победим. Властью, данной мне, приказываю отступить. Армии направляться на Рязанскую дорогу.

Генералы молча расходятся, не глядя на Кутузова; только некоторые бросают на него взгляды — то недоумевающие, то враждебные.

Толь. Обозы, ваша светлость, минуя Калужскую дорогу, на Рязанскую направлять?

Кутузов. Да... да... Ты подожди, голубчик, я тогда скажу. (*Платову*). А ты, Матвей Иванович, с казаками попридержи французов.

Платов. Но в арьергарде Милорадович.

Кутузов. А ты задерживай, чтоб Милорадович смог оторваться.

Платов. Я задержу, ваша светлость, пяди не уступлю.

Кутузов. Понемножку уступай, веди и веди за собой.

Платов. Это как же?

Кутузов. А полегонечку, не отрывайся от неприятеля.

Платов (*минуту посмотрел в лицо Кутузову*). Не оторвусь, ваша светлость. (*Уходит.*)

Кутузов сидит, спустив голову, вздыхает. Подходит
Толь.

Толь. Как же, ваша светлость, с обозом?

Кутузов. А... Да... да...

Толь. Переводить на Рязанскую дорогу?

Кутузов. Я потом, потом прикажу. (*Уходит в соседнюю комнату.*)

Беннигсен. Видит бог, я все сделал, чтоб остановить этот безумный шаг, и моя совесть чистая есть. Оставить Москву — с этим нельзя примириться.

Ермолов. С этим нельзя примириться, но это можно понять. А вот — взять маршрут на Рязань, оставив открытым для врага не только Калугу с хлебом, Брянск с заводами, но и Тулу с оружием — вот это понять нельзя. Или он спутал Рязань с Калугой?

Беннигсен. Дожив до его возраста, может быть, не всё поймете, но многое спутаете. Князь запомнил, что сейчас наша священная задача, господа, — отстоять древнюю столицу и поднять дух русского солдата!

Ермолов. Истинно, барон.

Беннигсен уходит.

Наша священная задача, господа, не в том, чтобы отстоять Москву и поднять дух русского солдата...

Раевский. Так в чем же?

Ермолов. А в том, чтоб отстоять и поднять репутацию немецкого генерала.

Раевский. Какого?

Ермолов. А вот того, который предлагает дать бой на скверной позиции: если разобьем французов — это потому, что немца послушались. Если потеряем Москву без боя — это потому, что немца не послушались. Кругом прав один Беннигсен.

Раевский. А если бы здесь нас разбили?

Ермолов. Кругом будет виноват один Кутузов.

Раевский. Неправда, Кутузов не один. Вокруг него русский народ, вся Россия.

Ермолов. Э-э, в России один только истинно русский человек, да и тот — Беннигсен.

Все, кроме Раевского, ушли. Раевский вдруг зарыдал. Вошел Кутузов, он в глубокой задумчивости.

Кутузов (*поднял голову, подошел к Раевскому, обнял его*). Ну, ну, бог даст... слезы наши в большую реку слез народных потекут. Потопят и врага.

Раевский. Вы, ваша светлость, только вы разобьете Наполеона.

Кутузов. Разбить — не знаю, а обмануть попробую. Если мне не помешают.

Раевский. Все поможем! Обиды черной не стерпит сердце...

Кутузов. Сердце... Дай бог разум и волю. Ступай, голубчик.

Раевский уходит.

Назар (*подавая чай*). Я, ваша светлость, так решил, что Москвой ему не завладеть.

Кутузов. Да... (*Задумался.*)

Назар. Земля русская не дозволит такого! Враз у него под ногами загорится, треснет, раз-

верзнется и — фьють, со всем войском и амуницией проглотит.

Кутузов (*про себя*). Ох, выдержала бы меня с моей ношей тяжкой земля родная... (*Гневно выпрямился, сверкнул глазами.*) Да нет же, будут они у меня лошадиное мясо есть, а может быть, и собственное! Бывали в Москве и до них разные гости, да дорого платили за угощение.

З А Н А В Е С

Действие второе

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В ПАЛАТКЕ ПЛАТОВА

Слышна приближающаяся казачья песня. На сцене Платов и вахмистр Сибилев.

Платов. Это мои черкасцы заливаются. Я их по подголоскам от всех станиц отличу.

Сибилев. Так точно, они. Первая сотня только что прибыла.

Входит адъютант.

Адъютант. Генерал-лейтенант Иловайский! (Уходит.)

Платов. А... (Идет навстречу входящему Иловайскому.) Добро пожаловать, генерал.

Иловайский (рапортуя). Честь имею явиться с десятью полками донцов.

П л а т о в (*приняв рапорт*). Ну, здорово Александр Петрович.

Целуются.

Когда с Дону?

И л о в а й с к и й. Ровно шесть дней.

П л а т о в. Ого, хорошо летают наши орлы.

И л о в а й с к и й. Очень уж невтерпеж казачкам француза пощупать. Да, может, и самого Бонапарта повидать. А тут еще такое дело: все три поколения ведь поднялись и все хотят первыми прилететь. Деды кричат: нам дорогу... Отцы кричат: не хотим в хвосте, а внуки гикнули — глядь, и деды и отцы в хвосте.

П л а т о в. Да ведь ты должен был после Денисова выйти.

И л о в а й с к и й. После и вышел. Да в дороге казакам, как шлея под хвост,—одно кричат: «Обогнать денисовцев!» Ну, те на Елец, а мы — на Козлов. Оно хоть чуть кружней, а вышло скорей. Как тут, Матвей Иванович?

П л а т о в. Да вот с генералом Денисовым все Мюрата сдерживаем в арьергарде, пока армия вглубь по Рязанской дороге отойдет.

И л о в а й с к и й. По Рязанской?.. Да ведь мы от Рязани шли — там армии нету.

П л а т о в (*значительно мигает ему, тихо*). Тсс... (*Громко*.) Плохо глядели, генерал. Видно, почным делом шли.

Иловайский. А и это верно. Главное — леса! Это не то, что у нас: стал на Черкасском бугре,— кругом на сто верст степь видать.

Входит адъютант.

Адъютант. На аванпост прибыл король неаполитанский Мурат. Просит ваше сиятельство принять.

Платов. О-о, просить высокого гостя. Идем встречать.

Платов, Иловайский и адъютант уходят.
В дверях—казак.

Казак. Король тальянский, а прозвище вроде татарского, господин вахмистр. Через что так, что Мурат?

Сибилев. Не Мурат, а Мурятый, по-французскому, понял?

Казак. Как не понять!

Сибилев. Так сколько же нынче всего захвачено?

Казак. Так что, господин вахмистр, двадцать пять возов фуражу, восемь пардонов. Два ускакали.

Сибилев. У пардонов что отобрал?

Казак. Оружие.

Сибилев. С движимых предметов?

Казак. С движимых предметов ничего.

С и б и л е в (многозначительно). Ничего?!

Казак расстегнул очкур. Вынимает вещи.

К а з а к. Так что пardon,— украл у русского народонаселения золотую табакерку, часишки на ходу, — ну, отстают, — и серебряную иконку, по приметам, преподобная Парасковей-Пятница, хотя же и на Магдалину обличьем скидается.

С и б и л е в. Предметы сдай в чихауз. (Иконку возвращает.) Преподобную Парасковейю долгон на грудях носить, а не в очкуре. Нехристь ты, что ли? Стань за дверями.

К а з а к. Слушаю, господин вахмистр. (Уходит за дверь.)

Входят Платов, Иловайский и Мюрат со свитой.

П л а т о в. Пожалуйте, ваше величество.

М ю р а т (бросив перчатки на скамью). Я говорю, вы воюете не по-рыцарски. Ваши казачи нарушают договоренность. Отбирают у моих солдат фураж, даже пленных взяли.

П л а т о в. Ваше величество, приношу извинения. Пленные будут выпущены, фураж будет возвращен, виновные понесут наказание.

М ю р а т. Наконец, сегодня вероломство казачков достигло апогея: они стреляли в меня.

П л а т о в. Быть не может, ваше величество! (Сибилеву.) Кто смел стрелять в его величество?

Сибилев. Никто не смел, ваше высокопревосходительство.

Платов. Не запирайтесь!

Сибилев. Так точно.

Платов. Ну?

Сибилев. Стрелял казак Гундоровского полка Овчинников.

Платов. Да как же он посмел? В самого короля!

Сибилев. А он располагал — это дама.

Платов. Какая дама?!

Сибилев (*почтительно указывая на Мюрата*). Как фигура их величества имеют длинный волос и мантилью, также самое шляпу в перьях, значит, говорит, вполне дама.

Платов. Ах, болван!

Сибилев. Я, говорит, только пужну ее для приятного смеху.

Платов. Да ведь, он, мерзавец, мог попасть в короля! В помазанника!

Сибилев. Он, признаться, в туза на сорок шагов не промазывает, анахтема.

Платов. Посадить под арест. Объявить по фронту, если подобное повторится — расстрел!

Сибилев. Слушаю, ваше высокопревосходительство.

Платов (*Мюрату*). Вот, ваше величество, он клянется, что отныне казак в отца родного

скорее выстрелит, чем в ваше величество. А насчет фуража не беспокойтесь.

М ю р а т. Да они его у самой деревни отобрали!

П л а т о в. Если ваше величество действительно так нуждается в фураже, мы из уважения к вам просто отведем часть деревень специально для фуража. Пользуйтесь как дорогой наш гость. Наш народ, ваше величество, щедр и великодушен.

М ю р а т. Но ваша беда — вы не умеете воевать. Оттого ваши дела идут так плохо, оттого и столицу свою нам отдали.

П л а т о в. Верно, ваше величество. Ой, как верно.

М ю р а т. Вы знаете, конечно, мой император не хотел войны с вашим императором!

П л а т о в. Вот так и мои казаки! Точка в точку. Не хотят воевать с вашим императором, и — шабаш.

М ю р а т. Да?

П л а т о в. Да вот извольте спросить только что прибывшего с Дону генерала Иловайского.

И л о в а й с к и й. Просто силком пришлось казаков на войну тащить.

П л а т о в. На Дон, ваше величество, тянут. Недаром на Рязань отступаем. Оно же понятно: у нас на тихом Дону сейчас виноград казачки

дают. А вино у нас, ваше величество, уютное. *(Подмигнул Сибилеву.)* Оно, конечно, не имеет французской нежности. Но тоже имеет свой характер. Вот, например, цимлянское у нас называется. Если не побрезгуете.

Сибилев подает поднос с бутылкой и тремя бокалами.

М ю р а т. Нет, что вы!

П л а т о в *(наливает бокалы и поднимает)*. Окажите высокую честь. За здоровье императора!

М ю р а т *(поднимает бокал)*. За здоровье императора! *(Выпивает.)*

П л а т о в. Жаждем все поголовно окончания этой войны, чтобы снова зажить миром.

М ю р а т. Очень приятно слышать.

Входит адъютант Мюрата, подает ему пакет.

А д ъ ю т а н т. От графа Понятовского.

М ю р а т *(прочитав, изменился в лице. Бросил подозрительный взгляд на Платова)*. Итак, дорога, по которой вы отступаете, называется Рязанской?

П л а т о в. Так точно, ваше величество, Рязанской.

М ю р а т. И давно вы ее так называете?

П л а т о в. Да так, чтоб не соврать, — лет шестьсот, а может, и с гаком, за точность не ручаюсь.

М ю р а т. Не ручаетесь?

П л а т о в. По крайней мере, так шестьсот лет называли мы ее в своей истории.

М ю р а т. Да, так две недели называл я ее в своих рапортах императору.

П л а т о в. Значит, точка в точку, ваше величество. Правильно.

М ю р а т. Не правильной ли было назвать ее как-нибудь иначе?

П л а т о в. Это как же?

М ю р а т. Например, Тульской, Калужской.

П л а т о в. Но, ваше величество, где Рязань, где Калуга с Тулой?.. Впрочем, если только для вас...

М ю р а т. До свидания, генерал.

П л а т о в. Посидели б, ваше величество.

М ю р а т. Честь имею.

П л а т о в (взяв бокал). По русскому обычаю полагается погладить дорожку.

М ю р а т (ядовито). Какую именно?

П л а т о в. Какая для вас, ваше величество, подходящая.

М ю р а т. Это мы увидим и разглядим на месте. Ваш фельдмаршал воюет не по-рыцарски, а по-скифски: избегая открытых сражений и прячась от противника. Передайте князю Кутузову, что я не высокого мнения о таком методе войны...

П л а т о в. Князь будет огорчен мнением вашего величества.

М ю р а т. Но клянусь, я поймаю его. Мы пройдем по вашей стране, как прошли по Европе. Ваш слуга. (*Гордо уходит, оставляя перчатку.*)

П л а т о в и И л о в а й с к и й, переглянувшись, уходят следом. Сибилев, взяв перчатку, сделал движение к двери, но, махнув перчаткой, примеряет ее.

К а з а к (*от двери с уважением смотрит на эту манипуляцию, с сожалением*). Тесновата!

Слышна казачья песня:

Ой, кума к куме в решете плыла —
Кума, кума, кумушка ты моя.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кабинет Наполеона в Кремлевском дворце. Наполеон за работой; вокруг маршалы, генералы, адъютанты.

Н а п о л е о н. От Мюрата какие сведения?

Б е р т ь е. Маршал Мюрат догоняет неприятеля, отступающего по Рязанской дороге.

Н а п о л е о н. Все еще не догнал?

Бертье. Повидимому, стремительное отступление русских граничит с бегством.

Даву. Не знаю, с чем граничит такое преследование врага, которое вот уже десять дней не позволяет Мюрату видеть этого врага.

Наполеон. Приказываю Мюрату дать более точные сведения о неприятельской армии. Я дам последнее сражение и уничтожу ее. *(Запечатывает пакет, передает адъютанту.)* Курьером — в Париж. На словах передать, что наши дела здесь превосходны. Сегодня парижской почты еще нет?

Боссе. Нет. Но я имею оттуда самые приятные сведения: Франция ликует оттого, что ваше величество в сердце России и это сердце трепещет в ужасе.

Наполеон. Как оно трепещет, это в Москве виднее, чем в Париже.

Боссе. Париж сердцем слышит, как гром пушек вашего величества отдается в пределах Азии.

Наполеон. Азия пока может спокойно спать. Индия мне сейчас не нужна. Я хочу сейчас малого: только Европу. Но Европа должна мне немедленно прислать войска. Во Франции я набираю полтораста тысяч рекрутов, в Италии — тридцать, в Баварии — десять, у импера-

тора Франца-Иосифа прошу тоже десять. Польша должна немедленно прислать пополнение корпусу Понятовского. Напишите, Маре, в Варшаву, что у них много красноречия и мало дела. Надо также, чтобы Рейнский союз понял, что его счастье плавает в русских реках, а не в Рейне. О новых отправляемых войсках прикажите, Маре, союзным дворам печатать во всех европейских газетах. (*Тихо Маре.*) Вдвое увеличивая их количество. (*Громко.*) Пусть Александр читает свою судьбу. Боюсь, что его советчики сыграют с ним скверную шутку. Он может запоздать с предложением мне мира, и когда я пойду на Петербург, будет уже поздно, — его же народ будет возмущен его бездействием, произойдет революция, и несчастный Александр будет свергнут. Мне искренно жаль моего брата Александра. Как крестьянские восстания?..

Лессепс. Они приняли грозные размеры.

Наполеон. Оглично.

Лессепс. Но направлены против нас.

Ней. Я прошу ваше величество сейчас же направить меня с моей сорокатысячной армией прямо на Петербург и обещаю через двадцать дней быть там.

Боссе. О, в этом предложении есть нечто величественное: воображаю, в каком ужасе будет Петербург!

Д а в у. Петербург будет в ужасе, а мы — в болотах.

Н е й. В каких болотах?

Д а в у. В которых по дорогам к Петербургу вы утонете со всей вашей армией.

Н а п о л е о н. У вас, Даву, есть свое предложение?

Д а в у. Есть, ваше величество.

Н а п о л е о н. Какое?

Д а в у. Взять и сжечь Тулу и Калугу и через них пойти на Украину. Но сделать это немедленно, всей армией.

Б о с с е. О, какой блестящий план!

Н а п о л е о н. Итак, вы предлагаете мне покинуть Москву. Коленкур, ваше мнение.

К о л е н к у р. Мое мнение известно вам, ваше величество.

Н а п о л е о н. Но вы дипломат и должны видеть двойную выгоду моего пребывания в Москве — стратегическую и моральную.

К о л е н к у р. Я, ваше величество, вижу в Москве двойную ошибку.

Н а п о л е о н. То есть?

К о л е н к у р. Первая ошибка: мы слишком быстро пошли на Москву, об этом лучше меня предупреждали ваше величество Мюрат и Дарю. Вторая ошибка: мы слишком долго

остаемся в Москве. Об этом предупреждает вас... Кутузов.

Наполеон (*снисходительно улыбнувшись*). Коленкур стал плохим дипломатом. Это именно Кутузов хочет меня выгнать из Москвы. Он хороший дипломат и понимает, что Москва — сильнейший политический пункт. Европа ревниво следит, удержусь ли я в Москве. Она увидит, что я умею сидеть на московском престоле не хуже, чем в арабском седле. Господа, мы остаемся на зиму в Москве, в тепле, с достаточным количеством провианта. Пусть Кутузов остается со своей армией в открытом поле, подвергаясь губительным действиям своего ужасного климата. Зима будет работать на нас, а весна даст нам окончательную победу. Я отброшу русских за Уральский хребет, если, конечно, Александр не поймет своей ошибки и не поспешит с заключением мира. Мортье, Кремль сделать крепостью. Да скрыть эту мечеть Василия перед его воротами. Вторая крепость будет в монастыре новых девушек. Граф Лессепс, прошу заняться благоустройством Москвы, разбить столицу на кварталы, привести улицы в порядок, привлечь население на рынки Москвы.

Лессепс. Ваше величество, на рынках пусто. Крестьян в Москву ничем не заманишь.

Наполеон. Надо поднять цены. Я издам воззвание, которое обрадует Москву.

Лессепс. Москва кругом оголена. Они так же жгут свои запасы, как сожгли Москву. Москва в кольце неприятельских отрядов и вооруженных мужиков. Мои комиссары возвращаются вместо продовольствия с трупами солдат. А трупов и здесь достаточно.

Наполеон. Нет, не достаточно! Они еще не видели моего гнева!

Входит адъютант.

Адъютант. Его величество король Неаполитанский. (Уходит.)

Входит Мюрат. Приветствия.

Наполеон. Где же, наконец, неприятель?

Мюрат. Настигнут. Кутузов по обыкновению трусливо уклоняется от открытых сражений и по-скифски прячется. Но я разгадал его хитрость и нашел место, где он спрятал армию.

Наполеон. Нашли место, но потеряли время, которое Кутузов использовал. Вам известно, сколько у него солдат?

Мюрат. Римляне, ваше величество, не спрашивали, сколько врагов, а только — где они.

Даву. Я не римлянин, но тоже хотел бы знать, где же они, наконец.

М ю р а т (*игнорируя*). Я рапортую моему императору: имею точные сведения — Кутузов свернул у Коломны с Рязанской дороги к Красной Пахре.

Наполеон. На Калугу? Так он вас за нос водил!

М ю р а т. К сожалению, но клянусь, в два перехода догоню и разгромлю его арьергарды.

Наполеон (*резко*). Так догоните же сначала, черт возьми! Вы упустили и время и Кутузова!

Входит адъютант, подает почту.

Адъютант. Часть последней парижской почты.

Наполеон. Почему часть?

Адъютант. Была ограблена партизанами.

Наполеон. Кто эти партизаны?

Даву. Мужики вооруженные.

Адъютант выходит.

Наполеон. Вздорная страна! Мужики воюют, армия прячется. Где же, господа, ваши меры охраны коммуникаций? Усилить охрану, каждую почту дублировать. (*Углубляется в чтение почты.*)

Даву (*тихо соседям*). Цезарь пришел, увидел, победил, а Мюрат пришел, не видел, победил. По крайней мере, обещал.

М ю р а т (в дверях). Я обещал вам, Даву, убедить вас, что вы позволяете себе слишком много.

Наполеон. Господа, вы свободны. Коленкуру остаться.

Все, кроме Коленкура, уходят.

Коленкур, победитель должен быть великодушен: я хочу бросить Александру якорь спасения — предложить мир. Высокую честь сообщить об этом Александру я передаю вам, его другу. Вы поедете с моими письмами к Кутузову и в Петербург.

Коленкур. Ваше величество, эта поездка будет бесполезна.

Наполеон. Почему?

Коленкур. Русские на мир не пойдут.

Наполеон. Да, первыми — возможно. Но я великодушно делаю первый шаг к миру и именно через вас, всегда являющегося в Петербурге вестником мира.

Коленкур. Ваше величество, там сейчас об этом не будут со мной разговаривать.

Наполеон. Я уверен, что Александр дальше не пожелает со мной воевать.

Коленкур. Ваше величество, здесь воюет с нами не царь, а народ.

Наполеон. Но я должен сделать преду-

прежде Александр, что он отвечает перед историей его народа.

К о л е н к у р. История его народа сделала предупреждение нам.

Н а п о л е о н. Какое?

К о л е н к у р. Здесь, в Кремле, триста лет тому назад уже сидели завоеватели. Им пришлось питаться здесь дохлыми животными и трупами своих товарищей.

Н а п о л е о н. Странное сравнение! У нас в изобилии все.

К о л е н к у р. Все, кроме хлеба.

Н а п о л е о н. Вы уже забыли, что именно хлебом богата Россия. (*Сурово.*) Вы забыли также, что говорите с императором. Но дело в другом. (*Прохаживаясь, взял Коленкура под руку, доверительно.*) Я имею плохую почту из Парижа. Народ проявляет усталость. Народ, восторженно благословлявший мое имя за то, что я повел армию на защиту его страны и свободы.

К о л е н к у р. Возможно, ему не ясно, что для защиты собственной свободы он должен вторгнуться в чужую землю...

Н а п о л е о н. Чтобы чужой земле дать свободу! Я не люблю вашей философии. Дело гораздо реальнее: в Париже, кажется, готовится заговор. Но это вздор. А вот прусский король

прислал горячее уверение в своей преданности и неизменной верности мне. Что это значит?

К о л е н к у р. Значит, намерен изменить вам.

Н а п о л е о н. Правильно. А почему?

К о л е н к у р. Полагает, что дела наши не столь блестящи.

Н а п о л е о н. А польские паны?.. Пишут, захлебываясь от восторга перед моими победами, бывшими и ожидаемыми.

К о л е н к у р. Значит, ожидают поражения.

Н а п о л е о н. Вот. И вы все-таки отказываетесь говорить с Александром о мире?

К о л е н к у р. Да. Потому что это значило бы дать Пруссии и Польше подтверждение их предположения.

Н а п о л е о н (*резко*). Итак, вы отказываетесь ехать в Петербург?

К о л е н к у р. Прошу ваше величество освободить меня, так как я верю не в свои дипломатические способности, а в ваш военный гений.

Н а п о л е о н. Вы в него еще не потеряли веры?

К о л е н к у р. Ваше величество...

Н а п о л е о н. А если бы я сам потерял ее?

К о л е н к у р. Весь мир убедил бы вас в вашем могуществе.

Н а п о л е о н. А Россия хочет разубедить

мир... Не замечаете ли, что я стал сам себя убеждать?.. Итак, вы хотите вместо себя отправить в Петербург меня с армией?

Коленкур. Я хочу, чтобы ваше величество с армией скорее вышли из Москвы.

Наполеон. Чтобы скорее убедить Европу в основательности ее предположений... Да, Коленкур — неспособный дипломат. Пришлите ко мне Лористона.

Коленкур уходит.

(Один). «Весь мир убедил бы вас в вашем могуществе»... Почему я стал сам себя в этом убеждать? Все мочь — значит, прежде всего, все понимать. В этой стране я ничего не понимаю. Ничего... Что произошло?

Колокольный звон.

Этот звон... (Подшел к стенным иконам.) Эти темные лики с мистическими глазами... Или это — ужасное лицо загадочного народа?

Входит Лористон.

Лористон, вы сейчас отправляетесь с письмами к Кутузову и Александру и привезете мне мир. Мир во что бы то ни стало.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТАЯ

У КУТУЗОВА НА КРАСНОЙ ПАХРЕ

В комнате Вольцоген, Ермолов, Дохтуров,
Платов и другие.

Вольцоген (*выглянув в окно*). Барон Беннигсен возвращается с осмотра позиций.

Ермолов. Надеюсь, сегодня он уж найдет подходящую позицию.

Вольцоген. Уверен, и старику нашему не придется уже вилять и отказываться.

Входят Беннигсен и Вильсон.

Ермолов. Ну, как, барон, осмотр дал блестящие результаты?

Беннигсен. Да! Здесь имеем прекрасную, лучше Бородинской, позицию!

Вильсон. Князь не посмеет дальше утверждать, что позиции неподходящие.

Беннигсен. Да, сегодня это ему не удастся! Вчера он предоставил мне на день командование и изыскание позиций, великолепно зная, конечно, что в том месте позиции были плохи.

Вольцоген. О! Лукавый старик!

Беннигсен. Лукавый и трус. Запутался и с дороги сбился, — то бросился на Рязанскую, теперь — на Калужскую. Он прячется не

только от Наполеона, он прячется от Мюратта. Именно показал себя, что есть трус, перед всем фронтом.

Дохтуров. Перед, фронтом сам Суворов целовал его за храбрость.

Беннигсен. Возможно, но как жаль, что это было в прошлом.

Вольцоген. Вот именно. Священную столицу врагу отдал — от трусости это или от старости?

Беннигсен. Нет, из противоречия и лукавства: на словах со всеми соглашается, чтобы действовать всем наперекор.

Вильсон. Человек таких качеств едва ли уместен в такой исторический момент возглавлять русскую армию.

Беннигсен. Что делать, если у государя некем его заменить.

Вильсон. Полагаю, барон, в ваших устах это «некем» странно более, чем в чьих-либо других устах.

Беннигсен скромно кланяется. Генералы оживленно совещаются.

Беннигсен. Я требую немедленного сражения.

Дохтуров. Все требуем.

Платов. Что ж, у меня только что прибыло двадцать шесть новых полков.

Ермолов. Прибывают новые и новые ополченские полки.

Платов. Надо ударить, пока главные силы Наполеона в Москве.

Вольцоген. Ударить и смыть позор оставления Москвы.

Дохтуров. Именно — смыть!

Беннигсен. Мы все должны есть требовать немедленного сражения. Кайсаров, попросите князя. Надо это кончить.

Вольцоген. Но князь занят. Он кончает роман мадам Жанлис...

Входит Кутузов.

Беннигсен. Князь, прекрасные позиции для сражений найдены.

Кутузов. Спасибо, барон.

Ермолов. Русский солдат не может дальше терпеть этого срама — врагу спину показывать. Все ждем приказа о сражении.

Кутузов. К сожалению, уже отдал приказ об отступлении.

Беннигсен. Но зачем же, если найдены такие прекрасные позиции?!

Кутузов. А чтобы найти еще лучшие. Вы свободны, господа.

Ермолов (тихо). Что ж это? Все мы

с немцем против князя! Или старик сошел с ума или... я?

Генералы в недоумении уходят. Входит адъютант.

Беннигсен. Сие отступление бегству подобно!

Адъютант. Честь имею доложить, ваша светлость, прибыло два ополченских полка.

Вильсон. Вот, князь, у вас сейчас уже такая армия, что вы смело сможете дать Наполеону второе Бородино.

Кутузов. А с меня довольно одного.

Вильсон. Очень жаль! (Уходит.)

Входит Коновницын.

Коновницын. Граф Федор Васильевич РаSTOPчин просит принять его.

Кутузов. Передай графу, что сочту за честь и с радостью приму его, лишь только сыщется свободное время.

Коновницын. Он, ваша светлость, просит напомнить, что ожидает вашего приема уже две недели.

Кутузов. А! Время-то, время как идет!...

Коновницын. Еще крестьяне-партизаны хотяг видеть вашу светлость.

Кутузов. А, впусти их, впусти.

Коновницын выходит.

Входят крестьяне — Хрол, Трифон, Матрена.

Кутузов. Здравствуйте, братцы. Рад видеть вас. Как у вас дела?

Хрол. Дела-то, мол, как сажа белая. Да сажа-то горит... Загорелся народ, прислал к тебе светлости за распоряжением.

Трифон. И также за оружием.

Кутузов. А порядок такой: действуйте вместе с отрядами Давыдова, Дорохова. Скажите — от меня. Они уж знают, и оружие получите.

Хрол. Спасибо, ваша светлость.

Трифон. Что же это, батюшка? Ужели России погибать? Да как же тому стать, родимый?

Кутузов. Этому не стать.

Матрена. Москву-то, батюшка, матушку отдали! (Плачет.)

Кутузов. Божья воля, голубка.

Матрена. Как же теперь, без Москвы-то?

Кутузов. Вернем, вернем.

Матрена. Вертать-то, сказывают, нечего, — сгорела матушка.

Кутузов. Ничто! Сердце народное жарче горит.

Матрена. Ой, горит!

Кутузов. Вот. Ты, голубушка, мужиков-то посылай, чтоб отвоевали Москву.

Матрена. Не то что мужиков — я сама вот

пришла. Сама двух в плен взяла, трех в овине, как кабанов, спалила.

Кутузов. Вот видишь, и овина своего не пожалела.

Матрена. Как не жалеть! Кабы не новенький! Летось отстроила. (Утерла слезу.) Да кабы пустой!

Хрол. Да кабы голова не пустая!

Матрена. Да ты чего лаешься?

Хрол. Нет того, чтобы прибежать: «Так, мол, и так, Хрол Саввич, в овине враг завелся». А уж я бы нашел секрет его без огня выманить. Тут, конечно, ваша светлость, дело вдове: учить бабу некому.

Матрена. Ну, это ты свою бабу учи.

Хрол. Учим помаленьку. Ну, сейчас неколи, супостата надо проучить.

Трифон. Ты, родной, только покажь, куда бить, а уж мы его ахнем. Потому, народ всей шерстью вздыбился. Значит, всем честным миром на него.

Хрол. Говорится. ваша светлость, мир заревет, леса стонут. И тако ж — не в силе бог...

Кутузов. Именно, не в силе, а в правде.

Хрол. Не в силе, а в ловкости — тоже самое, ваша светлость.

Кутузов. А-а... Да, да...

Хрол. Правдой в лоб ударить — оно по-

божьему. Ну, обмануть лютого врага — тоже дай бог...

Кутузов. Вот как! Ты кто такой?

Хрол. Хрол-медвежатник, ваша светлость.

Кутузов. Медвежатник! (*Рассматривает его маленькую, щуплую фигуру.*)

Хрол. Так точно. А это Трифон, и так же точно — Матрена Еремеевна, женщина подсобная.

Трифон. Он, батюшка, сорок медведей уложил.

Кутузов. Сорок! Да точно ли?

Хрол. Не точно. Сорок три.

Кутузов. Однако, как же ты, голубчик?

Хрол. Тут, гляди, ваша светлость, сюда, способ есть, секрет по прозвищу.

Кутузов. Какой же?

Хрол (*тихо, доверительно*). Как только си, подлец, встал на дыбы и пошел на тебя, ты сил не трать, а мигом под пузо ныряй, ваша светлость, и — вилами в брюхо.

Слышно движение. Входит Коновницын.

Коновницын. Посол от императора Наполеона генерал-адъютант маркиз Лористон прибыл на позиции.

Кутузов. А!.. Зажечь по всему лагерю костры, солдатам петь, плясать, всем — по чарке. (*Хролу.*) Так, говоришь, нырком?

Хрол. Нырком, ваша светлость.

Кутузов. А мириться с врагом не будем?

Хрол. Это зачем же?

Кутузов. Говорится — «худой мир лучше доброй ссоры».

Хрол. Оно так, да сор сперва замести надо.

Матрена. Ты, батюшка, все возьми, голько вымети его.

Трифон. Оружие, оружие нам только дай.

Хрол. Оно, конечно, чего не добавить, сами у врага доберем, но как народ подваливает, так что нехватка.

Кутузов. Будет, будет дано оружие. Спасибо, братцы. А с тобой, медвежатник, еще потолкуем. *(Прощается с крестьянами.)*

Крестьяне уходят. Входит Вильсон.

Вильсон. Я полагаю, князь, Лористон не должен быть принят вами.

Кутузов. К сожалению, сэр, я полагаю обратное.

Вильсон. Но, по крайней мере, — не лично, князь.

Кутузов. Если я принимаю, то делаю это лично.

Вильсон. Я должен донести об этом вашему государю и своему правительству.

Кутузов. Ваше личное дело.

Вильсон уходит.

Посланник императора французов генерал-адъютант Лористон должен быть принят генералом Кутузовым соответствующим образом. (Подошел к зеркалу.) Ай-ай, эполеты-то поистерлись. (Коновницыну.) Голубчик, дай поновее.

Коновницын достает и меняет эполеты Кутузову.

Не подумал бы враг, что у нас что-либо обветшало да поистерлось. (Меняя эполеты, продолжает говорить сам с собой.) Когда я кашу ем, не позволяю себе в рот заглядывать. Вам нужно второе Бородино? Извольте его устроить у себя. (Коновницыну.) Ты видишь этот народ? Я не позволю, чтобы заморские умники их руками свой жар загребали. Проси.

Коновницын вводит Лористона и уходит.

Лористон. Его величество, мой император поручил мне засвидетельствовать вам свое давнишнее глубокое уважение и восхищение.

Кутузов. Прошу вас, маркиз, передать его величеству благодарность за столь лестную, но мало заслуженную мною честь и взаимно мое восхищение великим полководцем.

Лористон (подавая письмо). Его величество просил вас передать письмо вашему императору.

Кутузов. Будет передано.

Лористон. Другое письмо вам лично с просьбой немедленно при мне прочесть.

Кутузов. Благодарю за высокую честь.

Лористон. Его величество, мой император, поручил мне передать вам глубокое сожаление о бедствиях войны, причиненных вашей стране.

Кутузов. Как доехали, маркиз?

Лористон. Благодарю вас. Но его величество обращает ваше внимание на совершенно варварский способ ведения войны вашим народом и на крайнее его ожесточение.

Кутузов. С непривычки, маркиз. Он двести лет не видел врагов на своей земле. А со времени татарской орды — больше трехсот.

Лористон. Полагаю, он должен понимать разницу между войсками императора французов и татарской ордой.

Кутузов. Разницу? Нет, маркиз, этой разницы он не видит.

Лористон. Он некультурно воюет!

Кутузов. Видно, еще не научился культурно бить непрощенно забравшегося в его дом врага. Бьет, как умеет.

Лористон. Он, повидимому, приписывает нам сожжение Москвы. Но мы знаем, что Москва сожжена с совершенно непонятными целями самим русским народом.

Кутузов. Русский народ знает, кто и с какой целью сжег Москву.

Лористон. Он так мало дорожит своей священной столицей!

Кутузов. Для нашего народа священна вся русская земля, каждый город и каждая деревня в ней.

Лористон. Его величество считает тяжелым недоразумением, что между двумя благородными монархами и их великими народами возникла война, и скорбит об этом.

Кутузов. Совершенно разделяю скорбь вашего государя.

Лористон. Мой государь был уверен в ваших чувствах и поэтому просит прочитать его письмо к вам немедленно.

Кутузов. Слушаю. Да, народ тоже хочет мира, и моя армия утомлена.

Лористон. Вот о мире и немедленном перемирии и желает говорить мой император.

Кутузов. Я крайне сожалею, что лишен возможности вести такой разговор.

Лористон. Но почему?!

Кутузов. Я призван и уполномочен моим государем вести только войну.

Лористон. Но ведь пора же кончать войну!

Кутузов. Кончать? Но мы еще только начинаем.

Лористон. Вы, однако, изволили заметить, что русский народ сейчас хочет мира.

Кутузов. Русский народ всегда хочет мира.

Лористон. Поверьте, князь, что и французы — тоже. Париж так соскучился по своему обожаемому императору и ждет его с таким нетерпением!

Кутузов. Ах, Париж!... Самые розовые дни моей юности когда-то были отданы Парижу. Подумать только, маркиз: сейчас, когда мы с вами здесь, под дождем, утопаем в грязи, Париж утопает в цветах.

Лористон. Да, да, князь, совершенно утопает. Я вас очень прошу прочесть. *(Берет со стола и передает письмо Наполеона Кутузову.)*

Кутузов. А театр! На всю жизнь в моем сердце! *(Вздыхнул, вскрывает конверт.)* Я, однако, слышал, что труппа лучших парижских актеров подвизается сейчас в Москве.

Лористон. Да, князь, во главе с артисткой Андре.

Кутузов (мельком пробежав письмо). Неужели сама Андре! Ее прекрасный голос звучит у меня в ушах и сейчас. Какие ноты!.. И ни одной фальшивой!

Лористон. Фальшивой ноты? Что вы, что вы, князь!

Кутузов. А почему же ваше правительство оплачивает их фальшивыми деньгами... Впрочем, не их одних. Да, устали мы, устали.

Лористон. Не найдет ли ваша светлость удобным для ускорения передачи письма государю, чтобы я сам отвез письмо в вашу столицу Петербург?

Кутузов. О, зачем же вам беспокоиться? Русский народ сам знает дорогу в свою столицу.

Лористон. Значит, письмо сегодня же будет отправлено?

Кутузов. Сегодня? (Смотрит в окно.) Пожалуй, поздно, ночь на дворе. (Зевнул, перекрестил рот.) А завтра утречком...

Лористон. Его величество поручил мне еще раз подчеркнуть, что он ведет войну без всякого враждебного чувства.

Кутузов. Но это само собой разумеется.

Лористон. И что он готов дальше Москвы не идти.

Кутузов. Да? А то мы могли бы отсту-

пить на восток еще верст на пятьдесят: про нас земли хватит, а для вас дорога ровная.

Лористон *(сухо улыбнулся)*. Скучная дорога, князь. Честь имею кланяться.

Кутузов. Счастливого пути, маркиз, счастливого. *(Весьма церемонно раскланивается, провожает Лористона к двери.)*

Лористон *(остановился)*. Итак, что же позволите, князь, передать моему императору?

Кутузов. Мое почтение. Мое нижайшее почтение, маркиз. *(Делает придворный поклон. В дверь.)* Проводить маркиза Лористона через аванпосты. Солдатам петь веселей, чтобы маркиз не заскучал по дороге.

За дверью оживленный разговор. Входит Коновницын.

Что там?

Коновницын. Все взволнованы, интересуются целью этого визита.

Кутузов. Хочет мира. Так и передать по всему фронту.

Коновницын. Граф Вильсон просит принять его немедленно.

Кутузов. Завтра, завтра, голубчик, устал я.

Коновницын. *(подает письмо)*. Письмо от графа Растопчина.

Кутузов. Прочти, пожалуй. *(Сел, прикрыл глаза рукой.)*

К о н о в н и ц ы н (*распечатывает и читает*). «Князь, за две недели вы не нашли времени принять меня, хотя я здесь не по своей воле, а для выполнения возложенных от государя поручений, и коль скоро исполню оные, то отбываю в местопребывание государя, удалясь от тех несчастных мест, где счастье войск и отечества зависит от подписи вашей...»

К у т у з о в. Да, да, хорошо пишет граф.

К о н о в н и ц ы н (*читает*). «...Не желая слышать, что вы целый день занимаетесь сном, отъезжаю...»

К у т у з о в (*зевая*). Жаль, жаль.

К о н о в н и ц ы н (*читает*). «...Благодарю вас за то, что не имею нужды сдавать никому ни столицы, ни области...»

К у т у з о в. Да... никому, кроме меня, в этой сдаче не было нужды. (*Тяжело вздохнул.*)

К о н о в н и ц ы н (*читает*). «...И что я не был удостоен доверенности вашей, коей вы удостоиваете мужиков, безоглядно вооружая их и готовя не столь защиту, сколь угрозу отечеству и дворянству, как в дни пугачевщины...»

Кутузов, слушая последнюю фразу, открыл глаза и поднялся, задыхаясь от гнева.

К у т у з о в. Поди, поди! Если этот скомо-
рох еще не уехал, попроси его пожаловать...

К о н о в н и ц ы н. Куда?

К у т у з о в. Куда? К чортовой бабушке в глотку!

К о н о в н и ц ы н. Ваша светлость, не извольте ли отдохнуть?.. Ведь не Растопчину, а мне известно, что вы ночами без сна работаете.

К у т у з о в. Неважно. Важно, чтоб Наполеон в Москве спал покрепче да подольше. Самый здоровый для России сон — укрепляющий.

Входит адъютант.

Адъютант. Генерал Барклай де Толли!
(Уходит.)

К о н о в н и ц ы н уходит.

Входит Барклай.

Б а р к л а й. Отъезжая в распоряжение его величества, имею честь засвидетельствовать вам, князь, свое нижайшее лочтение.

К у т у з о в. Прошу садиться.

Б а р к л а й. Благодарю вас. Тороплюсь.

К у т у з о в. Ну, счастливого пути, Михаил Богданович. Желаю здоровья.

Б а р к л а й. Благодарю, Михаил Илларионович. Вам тоже. (Идет к двери.)

К у т у з о в. Как ваша лихорадка?

Б а р к л а й. Продолжается.

К у т у з о в. А у меня только начнается.

Барклай. Калган на водке очень рекомендуется.

Кутузов. А! Легче?

Барклай. Смерть была бы легче.

Кутузов. Знаю, вы этого облегчения на Бородинском поле так искали.

Барклай. Не нашел.

Кутузов. Видно, бог нас бережет для чего-то.

Барклай. Ни богу, ни людям я не угодил.

Кутузов. Трудно им угодить.

Барклай. Да. Божья справедливость и людская несправедливость непримиримы. Я проезжал через город, и толпа, узнав меня, камнями разбила стекла в моей карете. За что?

Кутузов. Видно, плохо узнали друг друга.

Барклай. Я отвернулся и заплакал, что голову мне не разбила насмерть.

Кутузов. Мне тоже бросают камни в стекла. А после смерти портреты наши за стекло заведут, чтобы пылинки на них не упала.

Барклай. Я шел дорогой, которую мне указал мой разум, совесть и сердце, и теперь ухожу с клеймом... В сердце обида и скорбь неизмеримая, разум мутится.

Кутузов. Ничего, разум у вас ясный, сердце и совесть чистые.

Барклай (обняв его). Ни один человек

не сказал, что я правильно делал, отступая перед врагом.

Кутузов. Я могу вам этого не говорить, потому что я сам отступаю.

Барклай. Вы не отступаете, вы наступаете, и самым опасным для врага образом — во фланг ему, скрыв от него дорогу.

Кутузов тревожно замахал на него руками, быстро подошел к двери, притворил ее поплотней.

Ваша подушка об этом не знает, но моя подушка это знает...

Кутузов (улыбнувшись). Ну, ну, надеюсь, ваша подушка нема, как могила.

Барклай. Да, но есть еще одна особа, которая все расскажет.

Кутузов (в тревоге). Кто?

Барклай. История.

Кутузов (облегченно). Ну, это уж — после могилы.

Барклай. История не знает примеров такого блестящего флангового марша, сковавшего врага. Ведь сейчас, пойдет ли он вперед или назад, — вы из Тарутина идете ему в тыл...

Кутузов. Ну, ну, посмотрим да помолчим, помолчим сейчас.

Барклай. Сейчас спасение отечества толь-

ко в вашей голове, Михаил Илларионович. А не в сражении, коего они требуют.

Кутузов. Это они со страху.

Барклай. И от непонимания, хотя все великое дело делают.

Кутузов. Дело делают все, а думу думать одному. Мужичок тут сейчас был. Понимает. Народ, дай срок, и с флангов и с тылу ударит. В облаву пошел.

Барклай. Ну, прощайте, Михаил Илларионович. Желаю, чтоб вас скорей поняли.

Кутузов. Поймут меня, — поймут и вас.

Барклай. После могилы, — сего страшусь.

Кутузов. Мне страшней, чем вам: вас отставили, но дело ваше идет. А уж ежели меня...

Барклай. Дело ваше поднять некому...

Кутузов. Да... Боюсь не того императора, что в Москве, того, что в Петербурге.

Барклай. Опасение напрасно. Меня отставили потсму, что было кем заменить. Вашей отставки не допустят, ибо вас заменить нельзя.

Кутузов. Заменить нельзя, съесть можно. За то, что Москву отдал.

Барклай. Только вы один могли отдать ее. Только вы один можете вернуть ее.

Кутузов. Смогу ли? Вот об этом день и ночь думаю. Об этом вопрошаю бога моего.

Прощай, голубчик. Может, уж и не встретимся. (*Целуя Барклая, всхлипнул.*)

Барклай уходит. Кутузов тяжело задумался. Аdjутант вносит пакет. Входит Коновницын.

Коновницын (*приняв пакет*). Ваша светлость, пакет от государя императора.

Аdjутант выходит.

Кутузов (*встал, взял пакет*). Ну, вот написано: «Главнокомандующему», а прочтет, может быть, уже не главнокомандующий. (*Распечатал, начал читать, передает Коновницыну.*) Что-то глаз у меня к вечеру совсем плох. Читай, голубчик, вст отсюда. (*Вытянувшись во фронт, готовится слушать.*)

Коновницын (*берет бумагу, читает*). «...Не забывают, князь, что вы еще обязаны передо мной ответом за сданную вами без боя столицу. Вы должны успокоить Россию, дав французам отвечающее вашему достоинству сражение. Всегда к вам благосклонный Александр».

Кутузов (*про себя*). Успокоить Россию. Россию, ваше величество, надо не успокаивать, а спасать... (*Коновницыну.*) Надо, голубчик, написать...

Коновницын. Его величеству?

Кутузов. Его величеству Бенningсен пишет.

Пусть пишет. (Подумав.) Вот о нем заготовь письмо государю — о представлении Беннигсена к награде за его мудрость и великие военные заслуги. Испрашиваю ему сто тысяч и золотую шпагу с лаврами.

Входит адъютант.

Адъютант. Новые полки ополченцев подошли.

Кутузов. Откуда?

Адъютант. Из Рязани, Тамбова, из Казани — татары, из-под Уфы — башкирский полк.

Кутузов. А, вот он, сам народ всем ответит. Всем сестрам по серьгам. Видишь, как мы обрастаем народом. А ты, голубчик, пиши.

Коновницын. Что прикажете, ваша светлость?

Кутузов. Отступать всю ночь. Время на нас будет работать, если... мы будем на него работать. Оно хитрей всех.

З А Н А В Е С

Действие третье

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

ПЛОЩАДЬ В КРЕМЛЕ, ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Готовится парад. Доносится музыка. Потом вдруг — отдаленная канонада. Маршалы и свита собираются на площади в ожидании выхода Наполеона.

Ней (*подходя к Даву*). Император в волнении. От Мюрата нет снова никаких сообщений.

Даву. Значит, опять потерял русскую армию. Отстал, как собака от хозяйского веза.

Боссе. Король Неаполитанский обладает сердцем льва!

Даву. И головой барана, добавил бы я, если бы не было такой же головы у... одного из моих собеседников.

Боссе. Простите, я не слышал.

Через площадь пробегает женщина с корзиной провизии, за ней гонится солдат. Догнав, он вырвал у нее корзину. Женщина кричит: «Караул! Спасите!» Из-за угла выскакивает огромный гренaдер. Сбив с ног солдата, он отбирает у него корзину, идет, шатаясь, дальше. Женщина с криком вцепилась в него, он поднял над ней шашку. Кто-то из свиты бросился к нему. Гренaдер, ругаясь по-немецки, взмахнул шашкой. В него стреляют, он падает мертвый.

Лессепс. Вот, господа, ваши солдаты грабят и убивают мирных граждан.

Бертье. Это всегда пруссаки и вестфальцы.

Лессепс. Пруссaки и вестфальцы — тоже ваши солдаты, господин Бертье.

Бертье. Но вы губернатор, господин Лессепс.

Лессепс. Вы очень обяжете меня, объяснив мне, какого города я губернатор: покоренного нами или осажденного врагом?

Коленкур. Я жил в России и могу вывести вас из затруднения, господин Лессепс. Вы губернатор города, который нельзя ни осадить, ни покорить.

Лессепс. Благодарю вас, господин Коленкур. Но где же выход?

Коленкур. Выход один: на дорогу, по которой пришли.

Боссе. Какие блестящие каламбуры! Но в

этом диком городе даже они звучат глухо. Я сейчас проходил по Арбату. Восторг и досада, господин губернатор. Солдаты сидят в золоченых креслах, на бархатных диванах, — это красиво. На тротуарах ковры, меха, — это прекрасно. Солдаты его величества заслужили эти великолепные трофеи. Но искренно жаль, что все это утопает в соломе, навозе, кругом трупы, падаль.

Лессепс. Чем и кем прикажете убирать? По некоторым улицам уже сейчас нельзя проехать из-за трупов животных и умирающих от голода и пьянства солдат.

Подходит Брусье.

Брусье. Лессепс, у меня лошади дохнут в таком количестве, что моя кавалерия скоро станет на собственные ноги.

Боссе. Удачный каламбур.

Брусье. За месяц я потерял здесь тридцать тысяч солдат. Поэтому они выезду за продовольствием предпочитают стрелять здесь в городе ворон и ловить кошек.

Лессепс. Генерал, у меня нет продовольствия ни для лошадей, ни для людей. Что не сгорело, — разграблено, съедено.

Входит Бессьер.

Бессьер. Император!

Маршалы приготовились. Входит Наполеон.

Наполеон (*на ходу Лессеусу*). Выдать сегодня армии двойное жалованье — русскими деньгами.

Лессепс. Ваше величество, курс русских денег ниже в четыре раза, так что это будет не двойное жалованье, а только половина жалованья.

Наполеон. Если мой приказ гласит — двойное, это значит — двойное.

Визапур (*бросаясь к Наполеону*). Ваше величество!

Наполеон. Кто вы?

Визапур. Князь Визапур.

Наполеон (*радостно*). А! От императора Александра? Наконец-то!

Визапур. Великий человек, истинно великий человек, самый восторженный из всех твоих почитателей имеет, наконец, счастье видеть тебя!

Наполеон. Вы от императора Александра?

Визапур. О нет, с императором Александром у меня все порвано. Я хочу служить вашему величеству.

Наполеон махнул рукой, отвернулся. Подходит Бертье, с ним — Беранже.

Бертье. Ваше величество, это адъютант короля Неаполитанского — Беранже, с сообщением исключительной срочности.

Наполеон. Ну? Почему Мюрат опять долго молчит?

Даву. Видно, опять далеко русская армия.

Беранже. О, напротив. Доношу вашему величеству: русские неожиданно напали под Тарутиным на войско маршала Мюрата, окружили и разбили корпус Себастиани. Убито свыше трех тысяч французов, потеря обозов...

Наполеон (*поражен*). Ах, вот как! Они так смеют воевать! Господа, парад отменяется. Приказываю армии немедленно выступать. Надо наказать вероломного нарушителя законов войны. Они будут меня помнить.

Ней (*справляясь по карте*). Тарутино... Но ведь это же... Кутузов нам во фланг зашел...

Поднимается суета.

Даву. Не в тыл ли?..

Наполеон. До ночи из Москвы должна выступить вся армия.

Боссе (*крестится*). Слава богу, наконец-то!

Наполеон. До моего возвращения в Москву здесь остается маршал Мортье с гарнизоном.

Лессепс. Ваше величество, разбивать ли Москву на кварталы?

Наполеон. Прервать до моего возвращения. Объявить Москве, что я отлучаюсь только наказать Кутузова и сравнять с землей тульский завод. Они не успели сжечь Москву. Я это сделаю лучше! Взорвать Кремль, дворцы и соборы.

Боссе (*бодро*). Это залог того, что мы не возвратимся в этот кошмарный город.

Наполеон. Пусть они пожнут плоды своего азиатского варварства и коварства. Да, говорят, у них есть поверье, что пока на Иване Великом стоит крест, никто не может завоевать Москву. Снять крест и увезти в Париж. Будет ясно, кто здесь хозяин.

Боссе (*уныло*). Но это залог того, что мы — возвратимся...

Наполеон. Снять во всех церквях с икон золото и драгоценные камни.

Боссе. Это залог на оба случая — трофеи победителя.

Наполеон. Маре, сообщите Европе: покидая Москву, не представляющую больше военной позиции, я направляюсь в Витебск, чтобы оттуда начать новый поход на Киев и Петербург. От Витебска, по сравнению с Моск-

вой, я выигрываю двадцать переходов. Бертье!
(Отвел Бертье в сторону. Тихо.) С дороги
отправить письмо Кутузову.

Бертье. О чем, ваше величество?

Наполеон. Неважно. Ну, протест против
вероломного нападения на Мюрата, что-нибудь
подобное. Важно, чтобы Кутузов видел, что
письмо отправлено не с дороги, а из Москвы.
Пометьте Москвой и завтрашним числом.
(Громко.) Господа, выступаем немедленно,
скрывая выступление от неприятеля легкими
авангардами.

Доносится отдаленная канонада. Быстро подходит
адъютант.

Адъютант. Генерал Кастелян докладывает
о разгроме отрядом Дорохова двух эскадронов
у самой Москвы.

Боссе. О, какая ужасная страна! Дай бог
не возвращаться!

Коленкур. Дай бог выбраться!

Доносятся звуки походного марша.

З А Н А В Е С

КАРТИЦА ВОСЬМАЯ

В ЛЕТАШЕВКЕ

Кутузов работает за столом. В стороне стоит Ермолов. Беннигсен говорит, стоя перед Кутузовым, иногда принимается расхаживать.

Беннигсен. Простите, ваша светлость, я есть человек — любитель откровенности. Я люблю по-русски резать, — как ее, — святую правду-матку. Под Тарутиным имело так: мы застали Мюрата врасплох. Разведка плохая, караула нет, и если бы во-время была дана помощь, и не только разбил бы Себастиани и взял бы его в плен; но взял бы и Мюрата также в плен. Но подкрепления во-время я не имел, как я ни просил об этом, как ни молил.

Кутузов. Видно, были причины.

Беннигсен. Мне очень жаль, что ваша светлость находились слишком на далеком расстоянии от поля сражения, чтобы созерцать наши блестящие действия и успех. (*Ядовито улыбнулся.*)

Кутузов. Мне тоже жаль, барон, что я никогда не имел счастья созерцать ваши успехи ни вблизи, ни на далеком расстоянии.

Беннигсен (*вспыхнул*). Вероятно, это потому, ваша светлость, что я имею привычку

давать сражение там, где иные предпочитают отступать.

Кутузов. Я вам не мешаю, барон? (*Ермолову.*) Прочти-ка, голубчик, вот это донесение Дорохова.

Беннигсен. Я имею прислать вам с документами своего адъютанта. Прошу, ваша светлость, узнать, что я под Тарутиным имел контузию за отечество и всегда сумею умереть за него по-русски. (*Гордо уходит.*)

Ермолов (*про себя*). А за какое именно отечество сумеет умереть, не сказал.

Кутузов. Да, брат, Алексей Петрович, а мы с тобой так не сумеем умереть.

Ермолов. Куда! Чтобы умереть так по-русски, надо родиться немцем. Не сумею.

Кутузов (*раздраженно*). Он сумеет умереть, рыжий вор! Подумаешь, какая хитрость! Ты сумей другим, солдату, не дать умереть. Сумей людей сберечь живыми. Им на людей начихать. Только бы в победители поскорее выскочить. А мне сейчас это не нужно, себе дороже. Победа впереди. Надо сперва зверя из логова выманить. Долго он там лежать будет?

Ермолов. Видно, пока раны залижет.

Кутузов. Залижет... Значит, не смертельно ранен.

Ермолов. Может быть, и смертельно.

Кутузов. В этом вопрос... В этом вопрос... (Задумался.) Как зимнее обмундирование?

Ермолов. Прибывает. Распутица немного задерживает. Уж такая грязь густая!

Кутузов. Чай, не гуще, чем в письмах обо мне Вильсона и Беннигсена государю.

Ермолов (поднимаясь). Разрешите, ваша светлость, откланяться.

Кутузов. Прощай, голубчик. (Подает руку.)

Ермолов. У вас опять приступ лихорадки. Немедленно ложитесь, ваша светлость.

Кутузов. Эти советчики похуже лихорадки. Вот что, голубчик, донесение Дорохова прочитал? Что думаешь?

Ермолов. Дорохов доносит о появлении у Фоминского отряда Брусье и собирается наказать его.

Кутузов. Это я читал. Надо подкрепить его двумя полками. Да чтоб глядели в оба... Не есть ли это авангард... Что-то мне чудится... не зашевелился ли зверь в логове... Вот еще второй документ — маршал Бертье почтил меня письмом.

Ермолов. О нарушении законов войны.

Кутузов. Так, так. И каким числом это помечено?

Ермолов. Девятое. Москва. Сегодня десятое. Что-то очень скоро.

Кутузов. Врет! Врет, каналья. Письмо отправлено не девятого.

Ермолов. Раньше...

Кутузов. Не из Москвы.

Ермолов. Ближе...

Кутузов. Все ли у нас на месте?

Ермолов. Большая партия лошадей из полков и артиллерии отправлена сегодня в ночь за фуражом.

Кутузов. Ай... Далеко?

Ермолов. Верст за двадцать.

Кутузов (в гневе). Вы что же, милостивые государи! Врага отражать или сено возить? Вернуть сию минуту! Я вас прогоню!

Ермолов уходит.

Ах, боже мой! Назар! Назар!

Входит Назар с питьем.

Ты что?.. Служить или гулять? Так я и тебя прогоню! Сквозь строй!

Назар. Виноват, ваше светлость... Ложитесь. Ночь — матка: все гладко. А рыжий, красный — человек опасный. Я так решил.

Кутузов (сидит, глубоко задумавшись). Так... Не так... Так!

На зар. Так точно, ваша светлость.

Входит Коновницын.

Коновницын. Сэр Роберт Вильсон просит немедленно принять его: от государя он получил письмо. неприятное для вас.

Кутузов. Спроси у Вильсона, не сможет ли он с непочтностями для меня подождать до завтра. *(Махнул рукой.)*

Коновницын вышел.

Боже мой, тяжко. Видишь... Укоеши волю раба твоего смиренного, ленивого... Не ввери дела твоего наемникам лукавым. *(Уходит к себе.)*

На зар. Боже мой, дело твое и воля твоя, но не верь его смирению, ты же слышишь: кипяток и ругатель! А наипаче не верь его лени — ты же видишь: не спит — печалуется. Даруй ему здравие, на враги одоление.

Входят Коновницын, Толь и Болговский.

Коновницын. Точно ли такое срочное дело? Будить не хочется, приступ у него сейчас.

Болговский. Донесение исключительной важности: Наполеон вышел из Москвы.

Толь. Это provedено?

Болговский. Точно установлено.

Коновницын уходит в комнату Кутузова. Через минуту входит Кутузов.

Болговский. Здравия желаю, ваша светлость.

Кутузов. Что, что ты там привез? Какие вести?

Болговский. Донесение генерала Дохтурова. Наполеон вышел из Москвы.

Кутузов (строго). Откуда сведения?

Болговский. Разведка показала: вся французская армия из Москвы вышла. Генерал Дохтуров счел чрезвычайно важным из Аристова донести об этом немедленно вашей светлости.

Кутузов (мгновение стоит, опустив голову. Потом повернулся к красному углу). Боже мой, внял ты молитве. Спасена, спасена Россия. (Офицерам.) Всех немедленно будить. Важнейшее дело.

Болговский. Разведка доносит, что вслед за армией без конца тянутся обозы с награбленным в Москве имуществом.

Кутузов. Москву народ в сердце вынес, а имущество враг далеко не унесет. Вот, Назар, земля-то матушка под ногами у врага уж загорелась.

Назар. Значит, треснет и разверзнется, и — фьють.

Входят Еомолов и другие.

Кутузов (продолжает). Ну, Алексей

Петрович, зверь вышел из берлоги. Вошли львами, побегут крысами.

Ермолов. Важно немедленно знать, в каком направлении.

Кутузов. А в каком направлении побежит голодная крыса, если впереди амбар! На Калугу побежит, теперь ему Калуга нужнее Москвы.

Болговский. Так точно, ваша светлость, Передовые неприятельские отряды сейчас к Боровску подходят, и крестьяне, чтобы задержать его, разрушили по всей Протве плотины у мельниц, спустили воду, затопили все дороги.

Кутузов. Так, так. В Москве мы его согрели. Здесь подмочим, чтоб остыл. Но не видать ему Калуги! В Москву я его впустил — в Калугу не пущу. Приказ срочно передать Дохтурову — броситься наперерез к Малоярославцу, не теряя ни минуты, без отдыха! Платову со всеми казачьими полками спешить туда же. Всей армии следовать в том же направлении. Быть на Калужской дороге в два перехода. Каждый час судьбу навек решает!

З А Н А В Е С

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Окраина села. Виден угол строящейся избы. Проходят отдельные крестьяне. Настроение возбужденное, тревожное.

Г о л о с а к р е с т ь я н. Бонапарт из Москвы вышел. На нас идет.

— Не на нас. На Малоярославец, после на Калугу.

— Дойдет и до нас.

Проходит Хрол с партизанами.

Х р о л. Обязательно дойдет, если будете ждать сложа руки.

М а т р е н а. А откуда ты взял, что мы сидим сложа руки? Чай, не к нашему селу подходит,—знает, что мы его с угощением встретим.

Х р о л. Да что же — только в нашем селе! Воевать в своей избе, когда враг половину России захватит?!

М а т р е н а. Да ведь в своей избе углы помогают!

Х р о л. А ежели рядом чужая изба горит? Вон давеча враг за Протвой три села ограбил, а вы тут сидите да поплевываете.

М а т р е н а. Ужли ж бросать свое село да бежать в чужое, чтоб француз сюда нагрянул?

Х р о л. Теперь вся Россия — своя изба.

Вбегают новые крестьяне.

Г о л о с а. Православные, глядите, что Протва-то, Протва-река что делает!

— Из берегов вышла! Всю луговину подняла!

— Мост-то, вон он, посередке остался!

С т а р и к. Такого никогда на веку не было, чтоб осенью...

Ж е н щ и н а. Видно, последние времена... Господь прогневался.

П а р е н ь. Что господь, а что народ на француза прогневался. Наверху у Спасского села сам Бонапарт с войском к Протве подошел. А народ, чтоб не пустить его через реку, на всех мельницах плотины сломал — вот вода к нам и хлынула.

Г о л о с. Молодцы спасские!

Шум одобрения. Проходит бурмистр.

Б у р м и с т р. Эй, народ! В ригу, в ригу маош! Скорее на барщину—рожь домолачивать.

Г о л о с. Погоди, вот Бонапарт придет, все домолотит, все заберет.

Б у р м и с т р. А ты полегче! Никакой Бонапарт барщину не отменит. Нечего прохлаждаться. Пошли. Нето батожка скушаете. (*Замахиваясь, угоняет крестьян.*)

Идет Карповна с лукошком. Остановилась. Присела у завалинки. Проходит крестьянка.

Крестьянка. По грибки, Карповна?

Карповна. По грибки, детки, да ноги-то не несут.

Крестьянка. А ты уж не ходила бы.

Карповна. Да грибков-то поздних больно охота покушать, может, перед смертью.

Крестьянка. А! Чай, смерти боишься?

Карповна. Чего ее бояться? Басурман боюсь. Давно уж должна смерть притти, кончина мирная, а вот вместо смерти супостат пришел. Видно, не мне, а миру конец. Какая уж тут мирная кончина!

Крестьянка. Под землей-то, Карповна, все равно лежать.

Карповна. Да как же это я буду под ей лежать, ежели она под басурманом? Супостат ее ногами топчет. Ох, матушка, владычица, отгони же ты его, поганца! Смертушка-матушка, уж погоди, покуль земля очистится...

Обе уходят. Из-за строящейся избы выходит Иван, кому-то машет рукой.

Иван. Иди, иди, кажись, никого.

Выходит Маша.

Маша. Батя-то глазастый. Уж давеча так бранился, так бранился! «И не думай, говорит,

об Ваньке. За Микитая собирайся. У Микитая, мол, изба под новой крышей в две клетки, а Ванька, мол, голодранец. Избы нет».

Иван. Да как же это нет?! Гляди, еще два венца положить, и стены готовы.

Маша. «Он, мол, заместо крыши небом укрывается».

Иван. Ничего, к Михайлову дню обязательно и крышу покрою, а там до заговенья неделя, и — пожениться успеем.

Маша. А он, батя, говорит: «Тогда сватайся, когда покроешься». А Микитай завтра сватов засылает.

Иван. Скажи ему, чтоб не засылал!

Маша. Сказала. Он говорит: «Все одно, зашлю». Видно уж, Ваня, не судьба... (Плачет. Улыбаясь.) Я ему сказала: «Потерпи, Микитай, до Михайлова дня, а не потерпишь, не выйду». Согласился. Ты уж, Ваня, скорейча крышу покрывай!..

Иван. Накрою, Маша. В аккурат. А Микитаю тебя не видать. (Хочет обнять ее.)

Маша. Да пусти, лешай. Бонапарт на нас идет... Народ, вон он.

Входят крестьяне и крестьянки.

Голоса. Войско генерала Дохтурова идет. Уж у реки.

— К реке подошло да и стало: мост-то вон он — посеред реки.

— Ай, горе-то какое!

— Натворили эти спасские-то!

— Командир скачет. Сам Дохтуров.

Подъезжает Дохтуров.

Дохтуров. Здорово, братцы. Надо армии помочь через реку перейти. Мост снесло.

Голос. А всё спасские!

Дохтуров. Надо быстро мосты связать. Нет ли в деревне нарубленного леса?

Голоса. Нету, кормилец.

— А, скажи, лес вон, за деревней... Ежели нарубить?..

Дохтуров. Некогда, некогда рубить, братцы. Враг не ждет. На Калугу бросился. Надо его перехватить. Минута дорога.

Голос. Эх, ты, головушка бедная!

Дохтуров. Головушка ваша, братцы, не бедная. Только мозгами пораскиньте. (Закурил.)

Голос. Кабы не спасские..

Появляется Хрол.

Хрол. Православные! Спасские великое дело сделали: супостату переправу сорвали, мосты сняли, а вы должны сделать больше: свое войско переправить, мост навести.

Г о л о с. Лесу готового нету.

Х р о л. Лесу нет,— способ должен быть, секрет называемый.

Г о л о с. Какой секрет?

Х р о л. А такой секрет: избы-то, чай, из леса?

Г о л о с. Да то из чего же!

Х р о л. Стало быть, народ честной, этот лес разбирай, тащи на берег. Тут ведь рукой подать. Солдаты — враз.

Д о х т у р о в. Вот видите, братцы, головушка-то ваша не бедная.

Д я д я П е т р. Давай, ваше превосходительство, солдат.

Возгласы одобрения.

Г о л о с. Тащи мою избу, третья с краю.

Х р о л (указывает на избу Ивана). Начи-
най вот с этой, с крайней, благо недостроенная.

М а ш а. Ух ты, какой сыскался! Чужой избе
хозяин! (Загородила ему дорогу.)

Мужики хотят разбирать избу Ивана.

Да что ж это вы, окаянные, делаете! Дядя
Пётра, ему, Ваньке, чай, жениться надо!

Д я д я П е т р. Тут, девушка, отечеству на
пользу.

М а ш а. Чай, жениться — тоже отечеству на
пользу. Ташите лучше Микитаеву. Там лесу-го
поболе, в две клетки!

Г о л о с а. Да Микитаева-то вон где, — на другом конце села.

— Что ж, Ванька, разбирать аль нет?

И в а н. Да то как же! (Взял топор и долото.)

Крестьяне быстро разбирают избу. Иван помогает им.
Маша в слезах кинулась к нему.

М а ш а. Прощай, Ваня, пропала я теперь.

И в а н. Ничего, Машенька, уповай на бога.

Х р о л. Ребята, ищите балки подлиннее, луговина-то широка.

Г о л о с. Самые длинные балки — стропила в барской риге.

Х р о л. Разбирай ригу, народ.

Крестьяне бросились к барской риге. Появляется бурмистр.

Бурмистр. Это куда же они рванулись?

Г о л о с. Да в барскую же ригу.

Бурмистр. Вот так бы и давно! Потому, барское дело — оно не терпит.

Прошли саперы. Доносится стук топоров. Появляются новые крестьяне.

Г о л о с а. От начальника ополчения приехали.

— В ополчение записывают.

— Кто желающие?

Появляется офицер.

Офицер. Братцы, поднимайтесь на врага. Родину отстаивать. Враг захватил русскую землю. Весь русский народ полонить хочет. Не удалось разбить нас под Бородиным, хочет разбить под Малоярославцем. Хочет хозяйничать в русском государстве. Записывайтесь в ополчение народное все, кому родина дорога.

Дядя Петр. И родина, ваше благородие, дорога, и слова твои и время — дороже золота, — не трать их зря. Записывай нас скорей.

Гул одобрения.

Пиши меня.

Офицер подъезжает под иву, спешивается, его окружает народ.

Иван. Пиши, ваше благородие, меня, Ивана Павлова. Ну, прощай, Маша. Даст бог — свидимся.

Маша. Ваня, на кого же ты меня кинул!

Иван целует Машу. Скрывается в толпе. Маша плача идет по улице, навстречу ей — Микитай.

Микитай. Здравствуй, Машенька!

Маша (в гневе). Не мостись! Не возмешь замуж. (Показывает ему кукиш.) Накось, выкуси!

Микитай. Вот придет Бонапарт, всех возьмет.

Маша. Да лучше уж мне за Бонапартом замужем быть, чем за тобой. Небось, не идешь с ним воевать!

Микитай. Ан, вон, иду.

Маша. Врешь. Это Ваня пошел...

Микитай. А чем я его хуже?

Маша. Ты... вправду идешь?

Микитай. Брехать тут не приходится.

Маша (*радостно*). Так иди же к начальнику записываться.

Микитай. Чай, иду.

Маша. Да ты скорее! К спеху ведь! (*Ведет его за рукав к офицеру.*) Вот, барин, Микитай тоже идет на Бонапарта. (*Микитаю.*) Подходи, подходи смелей.

Микитай. Что ж, записывай.

Маша. Ой, скорей записывай! Микитай Чуркин.

Офицер. Молодец, девушка! Он кто же тебе? Жених, что ли?

Маша. Жених... Изба у него.

Офицер. А уж со свадьбой, девушка, обождешь малость.

Маша. А мне не к спеху.

Микитай (*уходя*). Прощай, Маша.

М а ш а. Прощай, Микитаишко, счастливо.

Микитай уходит. Проходят с песней ополченцы,
среди них Ваня.

(Кинулась к нему.) Прощай, Ванюшенька! Ворочайся, родименький. Ворочайся поскорей!

О ф и ц е р. А этот кто же? Братец, что ли?

М а ш а. Братец. (Плачет, уходит за ополченцами.)

Г о л о с а в т о л п е. Гляньте, кто-то по улице бежит, руками машет.

— Старуха чья-то.

— Старуха, а бежит.

— Да ведь это Карповна бежит!

— Буровь. Карповна чуть бродит.

— Карповна свое отбегала.

— А ведь и то — Карповна!

— Да как же она не рассыплется, сердечная!

Вбегает Карповна. Все бросились к ней.

К а р п о в н а. Ой, православные... скорей...
(Села.)

Г о л о с а. Отдышись, Карповна...

— Водицы ей...

К а р п о в н а. Французы за лесом... стога сена забирают. Я лукошко бросила... в бежки... донеси, царица небесная! Донесла!..

Общее волнение. Подходит Х р о л.

Хрол. Православные, вооружайся кто чем может. Заходи которые с лугу, которые с поля, из-за леса.

Крестьяне вооружаются, окружают Хрола. Подошла Маша с ухватом.

Маша. Дяденька, а с ухватом можно?

Хрол. Можно... Только для такой девушки и ружьецо сыщется.

Все быстро уходят за околицу.

Карповна (вслед). Деточки, лукошко мое на Ближней поляне! Басурман не завладел бы...

З А Н А В Е С

Действие четвертое

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Ставка Кутузова. В лесу перед палаткой. Только что затихло сражение под Малоярославцем. Сцену освещает огромное зарево от догорающего города. На сцене генералы, Вильсон.

Ермолов. Догорает Малоярославец
Дохтуров. Что же осталось от него?

Ермолов. Что может остаться от города, который в течение восемнадцати часов семь раз переходил из рук в руки?!

Толь. Я проехал по нем сейчас: развалины, пепел, трупы.

Вильсон. Сражение могло бы быть несравненно короче и успешнее, если бы наши войска подоспели во-время.

Ермолов. Ну, что же, войска подходили целый день, и наши и неприятельские.

Платов. Гори, гори ясно, чтобы не погасло. Вот и сыграли в горелки — кто скорее добежит.

Дохтуров. Не бежали — ползком ползли! Дороги развезло, а через реку крестьяне, спасибо, на своих избах нас переправили. (Смеется.)

Входит Коновницын. Он прямо с поля сражения.

Коновницын. Да, давно не было такого жаркого сражения.

Ермолов. Это еще не сражение.

Коновницын. А что же?

Ермолов. Канун сражения, которое будет кровопролитней и решительней, чем Бородино. Потому что судьба родины решится именно здесь.

Вильсон. Полагаете, генерал, что князь не будет больше отступать?

Ермолов. Больше некуда, сэр Вильсон, и незачем. Старик-то в прятки играл от Филей до Малоярославца.

Вильсон. Вы думаете?

Платов. Нет, сэр, мы не думаем. Где нам!

Дохтуров (засмеялся). А ведь верно, я вам скажу, старик глава всем завязал. Только

себе один глаз оставил. Да за всех нас увидел.
(Засмеялся.)

Ермолов. Наполеону-то ведь он в Москве капкан поставил, а тот думал — это престол.

Дохтуров. Да и влез всеми четырьмя лапами. Ха-ха-ха!

Ермолов. В Москву пришел за славой — не нашел. В Малоярославец прибежал за спасением — тоже не нашел. Мы теперь сильнее его.

Входит Кайсаров, за ним Раевский и другие генералы.

Кайсаров. Его светлость сейчас пожалует. Получен пакет от государя императора. Приказ князя прибыть сюда всем командующим.

Дохтуров. Беннигсена нет.

Кайсаров. За ним послано.

За деревьями показался Кутузов. Генералы подтянулись. Вильсон уселся.

Кутузов (Дохтурову). Ну, спасибо, Дмитрий Сергеевич! Всех выручил. (Целует его.) Ни я, ни отечество не забудем. Очень рад вас видеть, господа, в полном составе. (Ища взглядом.) Барон Беннигсен еще не пожаловал?

Кайсаров. Сейчас прибудет.

Кутузов. Подождем. Ну, вот, господа, драка-то нынче вышла какая.

Вильсон. Обе армии на место боя опоздали, к счастью.

Кутузов. К счастью... Великий русский полководец Александр Васильевич сказал: «Сегодня счастье, завтра счастье, помилуй бог, дайте же сколько-нибудь ума...»

Вильсон. Я полагаю, князь, что вы, достойнейший ученик и сподвижник Суворова, находите, что настал, наконец, момент дать великое и решающее сражение.

Кутузов. Вы правы, сэр. Момент настал, решающее сражение будет дано.

Входит Беннигсен.

Беннигсен. Я имею большую неловкость, если задержал.

Кутузов. Ничего, мы приучены... высоко ценить вас. Особенно я, конечно, ценю вашу службу и дружбу...

Беннигсен. Но это, как говорится по-русски, дружба службой, а служба... дружбой.

Кутузов. Вы, барон и господа, можете сейчас увидеть все это из моего рапорта государю императору. Так как он прислан мне обратно, вы имеете возможность выслушать его.

Читай, Кайсаров, по крайней мере заключительную часть.

К а й с а р о в (*читает*). «Принимая во внимание все сии великие заслуги барона Беннигсена, сего маститого вождя, увенчанного лаврами, всеподданнейше ходатайствую о награждении барона Беннигсена золотой шпагой с лаврами и ста тысячами рублей».

К у т у з о в. Государю императору угодно было уважить мое ходатайство и препроводить для вручения вам сию шпагу и сию сумму, барон. (*Передает Беннигсену шпагу и деньги.*) Честь имею вам вручить оные вместе с поздравлениями.

Вильсон и генералы поздравляют Беннигсена.

Б е н н и г с е н. Благодарю вас, господа. Благодарю вас, князь, за весьма лестную рекомендацию, которую, имею мысль, весьма заслуженную.

К у т у з о в. Вас, барон, тоже благодарю за вашу рекомендацию в письме к государю. Она не менее горяча, хотя и менее лестна. Государь также мне вернул ее. (*Кайсарову.*) Прочти, голубчик, хотя бы отсюда.

К а й с а р о в (*читает*). «Так как под Тарутиным фельдмаршал был далек от боя и по обыкновению был занят сном и ленью, то я

имел принять на себя командование и с помощью божьей разбил неприятеля...»

Дохтуров фыркнул.

К а й с а р о в (*продолжает*). «...Имею также сообщить вашему величеству, что князь не прислал мне подкреплений, не столь по старческой забывчивости, сколь по зависти».

Б е н н и г с е н (*горячо*). Я пером только святую, как ее, правду-матку резал.

Е р м о л о в. Да и зарезал...

К у т у з о в. Господа, закончив праздничную часть, приступим к будничной.

Е р м о л о в (*тихо*). Как говорится: делу — время, потехе — час.

К у т у з о в (*наклоняясь к карте*). Посмотрим наши позиции.

Б е н н и г с е н. Наши позиции здесь, на берегу реки Лужи, видите, князь?

К у т у з о в. Вижу, барон.

Б е н н и г с е н. Здесь впереди холмы, далее река, влево овраг. На холмах мы встречаем французов и опрокидываем.

К у т у з о в. А если они нас опрокинут?

Б е н н и г с е н. Этого не случится, тому порукой наше блестящее командование, которое будет иметь себя на этом славном месте.

К у т у з о в. Но вы, барон, к сожалению, не будете иметь себя на этом славном месте.

Беннигсен. Почему вы так говорите, князь?

Кутузов. Ах да, вы правы: старческая забывчивость. Я забыл вам доложить: государь очень скорбит, что у нас с вами постоянное несогласие, и выразил желание, чтобы руководил кампанией один из нас.

Беннигсен. Это есть и мое желание.

Кутузов. Я не сомневался в этом и, идя навстречу вашему желанию отчислиться от моей квартиры, единственно по состоянию вашего здоровья, отдал соответствующий приказ.

Беннигсен. Я имею состояние своего здоровья лучше, чем вы имеете состояние вашего командования, князь. О сем напишу вам дополнительно. *(Быстро уходит.)*

Кутузов. Стало быть, господа, впереди у нас холмы, позади река, справа обрыв. Где прикажете действовать кавалерии?

Ермолов. В такой диспозиции я отказываюсь приказывать.

Кутузов. Свойство позиций, расположение и число частей мне известно. Приказываю отступить вот сюда, к югу от города на три версты, к деревне Детчино, заняв Калужскую дорогу. Распоряжение о движении отдельных частей дам специально каждому командующему на рассвете. Кудашеву, Сеславиному и Фигнеру

наблюдать за каждым шагом неприятеля. Общая задача понятна? Запереть на замок все дороги на юг. Спокойной ночи, господа, утро вечера мудренее. А враг не мудрей нас.

Вильсон. Но, князь, где же обещанное решительное сражение?

Кутузов (*усмехнулся*). Обещанного три года ждут — это поговорка у русских.

Вильсон. Этого сражения ждут, кроме русских, и англичане.

Кутузов. А ждать легче, чем сражаться.

Вильсон. Но время дорого, князь.

Кутузов. Люди еще дороже, сэр. А русский солдат для меня дороже всего. За него одного не возьму сотни французов, не возьму, сэр.

Вильсон. Когда речь не об отдельных солдатах, а о судьбе всего отечества, то я советовал бы...

Кутузов. О судьбе моего отечества я советуюсь с моими соотечественниками и с теми, кто вверил мне эту судьбу.

Вильсон (*резко*). Здесь речь идет о судьбе вселенной, князь.

Кутузов. Судьбу вселенной мне никто не вверял, сэр. (*Платову.*) О тебе срочной задаче, Матвей Иванович, пойдем поговорим сейчас. (*Уводит Платова.*)

Вильсон (*Ермолову*). Ну-с, генерал, кажется, попрежнему отступаем.

Ермолов. Если позиции найдены невыгодными.

Вильсон. Я вижу, что для князя вся Россия — невыгодная позиция.

Раевский. Сэр, мы — русские — считаем оскорбительным слышать подобные слова о вожде своей армии. Имейте мужество выразить это свое убеждение лично фельдмаршалу.

Вильсон. Я имею мужество, но потерял терпение, так как всякий раз на свою просьбу об аудиенции я слышу ответ: «Его светлость изволили отойти ко сну». Я очень боюсь, как бы этот сон не привел к печальному пробуждению.

Все уходят. Возвращаются Кутузов с Платовым.

Кутузов. Значит, Матвей Иванович, тебе начинать. От Медыни.

Платов. Начну, ваша светлость.

Кутузов. Опирайтесь у Полотняных заводов на левый фланг. Задача армии: врага не пустить дальше ни на шаг. Стоять насмерть. Судьба войны и родины решается здесь. Сражение будет дано не там, где хочет Наполеон, а где хочу я. И еще задача важная: если победит — не догонять.

П л а т о в. Не догонять?!

К у т у з о в. Итти рядом с ним и перегонять.

П л а т о в. Перегоню, ваша светлость!

К у т у з о в. Спокойной ночи.

П л а т о в уходит.

Назар! Принеси-ка сенца да постели здесь на вольном воздухе.

Входит адъютант.

(Заметив в глубине некоторое движение, адъютанту.) Что там?

Адъютант. Это начальник партизанских отрядов, Давыдов, мужиком одет, стихи читает, и другой начальник, настоящий мужик, все пленных приводит. Просит вашу светлость принять его, говорит,— старые приятели.

К у т у з о в. Кто же это?

Адъютант. Называет себя — Хрол-медвежатник.

К у т у з о в. А-а, помню, точно — приятель. Пусть подождет. Проси сначала Давыдова.

Адъютант выходит и возвращается с Давыдовым. Давыдов в черной мужичьей шапке и армяке.

Д а в ы д о в. Честь имею явиться, ваша светлость.

К у т у з о в. Здравствуй, голубчик Давыдов.

Д а в ы д о в. Извините, ваша светлость, что не в форме.

Кутузов. Ты в своей форме. Под черной шапкой — светлая голова, а под армяком — золотое сердце.

Давыдов. Ваша светлость... мне совестно.

Кутузов. А мне стыдно перед тобой. Спасибо, заставил меня поверить в себя и в свое дело, в которое я, каюсь, не верил. Большая это радость: сначала не верил, да вдруг — крепко поверил.

Давыдов. Великая радость, ваша светлость, с самого начала крепко поверить в человека, вверить ему свою судьбу и к концу видеть эту веру оправданной. Фельдмаршал Кутузов доставил эту радость русскому народу.

Кутузов. Ну, ну... Доставь мне, голубчик, подобную радость.

Давыдов. Какую, ваша светлость?

Кутузов. Ты много зла причинил неприятелю при его наступлении. Сделай больше при его отступлении. Пойдешь теперь не в тылу, а рядом и впереди.

Давыдов. Слушаю, ваша светлость.

Кутузов. Прощай, голубчик. *(Пожал руку.)*

Давыдов, откланявшись, уходит.

(Адъютанту.) Медвежатника!

Адъютант вводит Хрола в сопровождении вооруженной Машин.

Кутузов (Хролу). Здравствуй, голубчик.

Адъютант выходит.

Хрол. Здравия желаю, ваша светлость. Работаем рядом, так проведать забежал.

Кутузов. Спасибо, братец. Так это ты все пленных доставляешь?

Хрол. Доставляем помаленьку.

Кутузов. Ты где их захватываешь?

Хрол. А где бог пошлет. Я их, ваша светлость, больше на живца беру.

Кутузов. На какого живца?

Хрол. А способ такой, секрет по прозванию. (Конфиденциально.) Он, ваша светлость, отощал, с голодухи по полю рыщет да в кулак свищет. Ну, вот-то его ночью на живца и берешь: зажаришь какую живность у засады, чтоб, ежели близко, жареное ему под ветер в нос ударило. Тут его супротив ветру на мясо и потянет. А уж ты, ваша светлость, притаись да живьем его так и бери, пустоголова.

Кутузов. Ну, враг-то умен.

Хрол. Да ведь и с умом воровать — беды не миновать.

Кутузов. Очень хорошо. А это там кто с тобой? Не Еремеевна ли?

Хрол. Нет, это Маша, девушка. Хорошо воюет. А с Еремеевной я разбрался и разрешился вдрызг.

Кутузов. Что так?

Хрол. Через женскую глупость. Кричит: каждый должен только свое село оборонять, дальше, мол, не пойду. В своей избе, мол, стены помогают. Правильно это? Об этом вашу светлость и пришел спросить.

Кутузов. Ты-то сам как думаешь?

Хрол. Как я думаю? В своей избе стены помогают — это конечно, да только нынче вся Русь — своя изба. Вот как я, ваша светлость, думаю.

Кутузов. Правда, правда твоя, голубчик. Дорога человеку русскому своя изба, мир да покой. Но жизнь и честь отечества ему всего дороже. За него он добро свое, себя отдаст.

Хрол. Вот Машенька и жениха с избой на отечество отдала. На алтарь, называется. И сама присягнула. Вот все разыскивает его, жив ли, мол. У тебя, ваша светлость, спросить все добивалась.

Кутузов. А что же я тебе, Машенька, сказать могу?

Маша. Бают, ты своих солдат всех в лицо и как звать знаешь.

Кутузов. Ну! Где уж! У меня их тысячи, красавцев.

Маша (*скромно опустив глаза, тихо*). Мой красивей всех, Ваней зовут.

Кутузов. А! Ну, этот Ваня жив.

Маша. Ой, правда ль?

Кутузов. Обязательно.

Хрол. Вот видишь, а я тебе что сказывал? Поговорили бы еще с тобой, ваша светлость, да время горячее. Эх, погодка-то какая — морозец ударил, звезды частые! Домолачивать бы хлеб в самый раз.

Кутузов. Надо сперва врага домолотить.

Хрол. Так точно, ваша светлость. Домолотим и провеем. Счастливо оставаться. Народу-то что передать?

Кутузов. Передай низенький поклон и горячее русское спасибо. А ты, Машенька, о женихе не беспокойся. Скоро встретитесь.

Маша всхлипнула, припала к руке Кутузова.

На свадьбу не забудь позвать. (*Целует Машу в голову.*)

Хрол и Маша уходят. Входит адъютант.

Адъютант. Ваша светлость, депутация от граждан города Калуги. Жители в ужасе оставляют город, так как ожидают для Калуги участи Москвы.

Кутузов. Передай им, что могут спать спокойно. Я головой ручаюсь, что враг Калуги не увидит.

Адъютант уходит. Входит Назар, расстилает сено.

Кутузов (завернулся в бурку, смотрит на небо). Да, звезды частые, глядят на нас. И знаешь, Назар, видать им нас оттуда?

Назар. Как не знать... видать, конечно. Хотя же отчасти и не всех.

Кутузов. Кого же видать?

Назар. Круглых сирот, конечно, и полных генералов.

Кутузов. Почему?

Назар. Очень просто. По сиянию различаются: сирот — по слезам, генералов — по звездам.

Кутузов. Да, вот ты говорил — земля под неприятелем загорится и проглотит врагов, как в пустыне Аравийской.

Назар. Это по климату глядя. В Аравии сторела, в России замерзнет, но конец один: проглотит.

Кутузов. Ну, спать, Назар, завтра великий день.

Назар. Так точно, самый великий в году.

Кутузов. Почему — в году?

Назар. Завтра шестнадцатое ноября — мученика Назария: именинник я, ваша светлость.

Кутузов. А! Ну, с преддверьем.

Назар. Покорно благодарю, вас также.

Кутузов (про себя). Да... с преддверьем

тебя, народ мой. Скоро ты отпразднуешь именины своего духа великого...

Назар. Оно, ваша светлость, и именниники разные бывают. От иного такой дух — прониеси господи, слабому человеку соблазн и скорбь.

Кутузов. Скорбь уйдет. Враг убежит.

Назар. Спокойно уснуть, ваша светлость.

Кутузов. Я-то усну. А вот уснет ли нынче Наполеон, не знаю.

Входит адъютант.

Адъютант. Адъютант барона Беннигсена — с письмом, требует срочно принять.

Кутузов. Скажи этому адъютанту, если он еще раз явится ко мне, я повешу его.

Адъютант выходит, навстречу ему второй адъютант.

Второй адъютант. Сэр Роберт Вильсон просит немедленно принять его по делу исключительной важности.

Кутузов захрапел.

И неотложной срочности.

Кутузов громко храпит.

Назар. Цсс!.. Его светлость изволили отойти ко сну.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Ставка Наполеона в Городне. На сцене маршалы, Коленкур, Боссе и другие.

М ю р а т (Нею). Поздравляю, герцог, с блестящей победой.

Ней. И вас также, ваше величество.

Боссе. Какой упительный день славной победы!

М ю р а т (Нею). Сегодня вы покрыли себя неувядаемой славой.

Ней. Вместе с вами, ваше величество. Но боже, как жаль Дельзона! Погиб славной смертью.

Боссе. Слава его будет измеряться веками.

Даву. И бедствиями, в которые он поверг армию из-за опоздания. Как измеряются, например, ваши потери, герцог?

Ней. Потери серьезные. Около семи тысяч и почти весь провиант.

М ю р а т. Жертвы велики, но город взят. Кутузов нигде не мог устоять и отступил на новые позиции.

Ней. Они уже не спасут его.

Даву. Эти новые позиции сильнее всех, какие когда-либо занимал Кутузов.

М ю р а т. Это мы увидим сегодня, в день окончательного разгрома Кутузова.

Б е р т ь е. Император сейчас заканчивает осмотр поля сражения и наших новых позиций.

Входит Р а п п. Его окружают. Разговор идет тихо, конфиденциально.

М ю р а т. Как ваша нога, генерал?

Р а п п. Благодарю вас, но это такой пустяк по сравнению с выпавшим на мою долю счастьем спасти жизнь императора. Прошу вас, господа, не разглашать.

Н е й. Но как это произошло?

Р а п п. Это произошло сегодня на рассвете. Император плохо спал и рано выехал на прогулку. Едва мы, в сопровождении трех взводов, выехали в поле, как из леса направо выскочили казаки и с диким криком налетели на нас. Я едва успел схватить за поводья лошадь императора и повернул ее назад. Моя лошадь получила глубокий удар пикой и опрокинулась на землю. По счастью, казаки, увидав обозы, бросились их грабить, и мы ускакали.

Входит Наполеон.

М а р ш а л ы (поздравляют его). С блестящей победой.

— С новым отступлением Кутузова!

Н а п о л е о н (Нею). Этот день всецело принадлежит вам, Ней,

Ней. Моя честь и все мои дни всецело принадлежат вам, ваше величество.

Боссе. Какие прекрасные слова сказаны!

Наполеон (*ласково потрепал Раппа по плечу*). Спасибо, Рапп. Господа, я осмотрел поле боя.

Мюрат. Бесславно оставленное Кутузовым.

Наполеон. Но мы еще не нашли славы на этом поле. Среди убитых огромное количество в лаптях и сермягах, у многих вместо ружей дубинки.

Боссе. Вот так войско!

Наполеон (*холодно взглянув на него*). Мы не смогли разбить это войско. Карту.

Ему подают карту. Облокотившись на стол, подперши руками голову, углублен. Тихий разговор среди маршалов.

Даву. Обдумывается последний шахматный ход...

Мюрат. Эти мужики не умеют даже стоять в строю.

Даву. Они умеют только драться.

Мюрат. Однако это значит, что у Кутузова нет в запасе ни людей, ни оружия.

Коленкур. Но у людей Кутузова есть запасы сильней оружия.

Ней. Да. Они стоят, как стена.

Б р у с ь е. Как стояли на Бородино.

Д а в у. Не так. На Бородино они храбро защищались. В Малоярославце они бешено наступали.

Н е й. Или наступают или умирают.

М ю р а т. Наши солдаты умеют умирать не хуже их.

Д а в у. Хуже.

М ю р а т. Что вы хотите сказать, герцог?

Д а в у. Я хочу сказать: русские умирают сейчас только в бою, а французы — и в бою и от голода. Мои солдаты второй день питаются падалью, кошками и шоколадом.

Н а п о л е о н. Брусье, где, в каких количествах расположена сейчас наша армия?

Б р у с ь е. Ней с пятнадцатью тысячами между Фоминском и Боровском, Понятовский — с шестью тысячами в Верее, туда же подходит Мортье с восемью тысячами, Жюно с шестью тысячами — в Можайске.

Н а п о л е о н. Мы разбросаны по разным дорогам, а они собрались на одной дороге, которая для нас единственна, и... закрыли ее... Дельзон погиб с сомнительной честью. Здесь потерять час, значит, потерять всё. Позиции Кутузова очень сильны.

Д а в у. Они грозны.

Тяжелая пауза.

М ю р а т. Мы должны немедленно атаковать врага. Если позиции его грозны, то против них есть одно средство — сбить врага с этих позиций.

Бессьер. Вы обладаете таким средством?

М ю р а т. Я собью Кутузова с его позиций и открою путь на Калугу.

Н е й. Это путь отваги.

Бессьер. И неосторожности.

М ю р а т. Там, где остался один исход, всякая отвага есть осторожность и осторожность есть отвага.

Боссе. Какие прекрасные слова сказаны!

Бессьер. Нельзя допустить, чтобы за прекрасные слова погибли остатки кавалерии.

Н е й. Остатки?

Бессьер. Да, герцог. От выступивших из Москвы восемнадцати тысяч осталось четыре тысячи, и далеко нехватает повозок для раненых. Таким образом, всякий раненый остается в руках разъяренного врага.

М ю р а т. Слава выше смерти! Мы ее добудем.

Наполеон. Добудем славу и потеряем армию?

Даву. Да, ваше величество. Слава растет, армия тает.

М ю р а т. Но армия сейчас не может стоять

на месте. Для спасения она должна или наступать или... отступить.

Наполеон молчит. Тягостная пауза.

Д а в у. Здесь, кажется, произнесено слово, которого я в великой армии никогда не слышал. Его произнес Мюрат, который так рвется в бой.

М ю р а т. Я произнес его, чтобы отвергнуть самый вопрос об отступлении.

Н а п о л е о н. Вопрос решаю я. Сражение у Малоярославца показало, что наступление здесь невозможно. Центр у русских здесь сильней бородинского, а фланги — опасней. Дорога на Калугу закрыта. Надо отойти на позиции для нас более выгодные.

Все поражены. Молчание.

Д а р ю (тихо). Мат!..

Н а п о л е о н. Коленкур, вы так сожалели, что по моей воле были покинуты позиции под Смоленском.

К о л е н к у р. Ваше величество, я сожалею, что не по вашей воле на эти позиции приходится возвращаться.

Н а п о л е о н. Неправда. Итти на Смоленск — моя воля.

Н е й. Но на Смоленск три дороги.

Наполеон. Три — плохо. Надо избрать одну — хорошую.

Генералы столпились у стеной карты.

Даву. Хороших дорог туда нет. Менее других ужасна одна (*указывает на карте*) — на Медынь — Ельню.

Брусье. Почему именно эта?

Даву. Потому что эта — кратчайшая.

Мюрат. Если Даву поклялся на этой кратчайшей дороге в кратчайшее время погубить армию...

Даву (*грозно*). Что?!

Мюрат. По незнакомой дороге вести армию, все время подвергая ее нападению врага с фланга, это значит — погубить ее.

Наполеон. Ваше предложение?

Мюрат. На Можайск — через Боровск — Верею. (*Указывает на карте.*) Там мы сразу сможем оторваться от неприятеля. Там запасы, которых неприятель у нас не отобьет.

Даву. Не отобьет, потому что там уже нечего отбивать. Там уже все опустошено, залито кровью, усеяно костями.

Боссе (*тихо Коленкуру*). Но ведь в том и другом случае это еще не отступление, не правда ли?

Наполеон. Даву, ваш план правилен, но

вы должны привести в исполнение ваш план, намеченный в Мос... (Голос его падает.)

Д а в у. Слушаю, ваше величество. (Увидев, что Наполеон потерял сознание.) Ваше вели... Его величеству дурно!

Б о с с е. Доктора!

Общее смятение. Входит врач.

М ю р а т. Что с ним?

Н ей. Такой головокружительный поворот!

Б р у с ь е. В жизни великого полководца не было еще случая отступления.

Д а в у. Случая отступления от отступающего врага не было в жизни ни у одного полководца.

Б о с с е. Боже мой, какая ужасная, загадочная страна!

В р а ч. Отворите окна. Прошу вас, господа, освободить комнату.

Все уходят. Наполеон очнулся.

Я прошу ваше величество прилечь.

Н а п о л е о н. Зачем?! Я чувствую себя превосходно, Юван.

В р а ч. Я вам сейчас приготовлю капли.

Н а п о л е о н. Вздор! Впрочем, только маленький флакончик. С одной порцией яда.

В р а ч. Ваше величество... успокойтесь.

Н а п о л е о н. Не беспокойтесь, Юван. Это—

на всякий случай, вроде сегодняшнего с казаками. Я люблю играть с судьбою в большую игру. Она еще впереди. Здесь против меня природа и люди заодно. Вот эту игру я люблю. Неудачи удесятерят мои силы. Мир еще увидит мою мощь и власть. И этим он обязан будет русским, закалившим ее.

В р а ч. Ваше величество, вам необходимо выйти на воздух. (*Уводит Наполеона.*)

Входят м а р ш а л ы.

Н е й. Но откуда у него этот загадочный упадок сил именно в России?

Б е р т ь е. Где Кутузов с каждым днем усиливается.

Д а р ю. Есть легенда об Антее и матери — Земле.

К о л е н к у р. В России есть своя легенда — о силаче, который хотел взять соху у пахаря, но погряз в его земле и погиб.

М ю р а т. Дело не в сохе, а в шпаге, которую император сменил в Москве на скипетр. Великий полководец не может останавливаться и должен разить молниеносно.

Д а в у. Вы слишком красиво выражаетесь, Мюрат. Император знает, как нужно разить. Наше дело — только верить в него.

К о л е н к у р. А если бы он сам перестал верить в себя?

Д а в у. Он уже не был бы император. А если бы любой из нас потерял эту веру, он уже не солдат императора и должен быть расстрелян на месте.

Возвращается Н а п о л е о н.

Н а п о л е о н. Даву, что же вы не дослушали меня? Итак, должен быть приведен в исполнение ваш план: все по дороге сжигать и уничтожать. Мы должны иметь позади себя только пустыню.

Д а в у. Мы ее уже имеем впереди.

Близкая канонада.

Н а п о л е о н. Что такое?

Быстро входит Б е с с ь е р.

Б е с с ь е р. Ваше величество, казаки Платова заходят во фланг. У Медыни Иловайский атаковал Понятовского, взял орудия и пленных во главе с генералом Тышкевичем, а севернее, у Боровска, генерал Кутейников отнял у нас четырнадцать пушек и обоз.

Н а п о л е о н. Отбросить казаков!

Б е с с ь е р. Но туда отступил весь левый фланг неприятеля.

Наполеон. Хорошо отступление! Видите, Даву, самый блестящий план, если он разгадан неприятелем, — чорту игрушка. Приказываю армии взять направление на старую Можайскую дорогу. Объявить, что задача — достигнуть Смоленска и расположиться на зимние квартиры, готовясь к новому решительному наступлению. Вам, Даву, задача — удержать Кутузова, дав возможность армии оторваться от врага. (Уходит.)

Мюрат (мстительно). Уверен, что Даву с честью осуществит мой план защиты тыла великой армии и оторвется от чужой армии. (Уходит.)

Все идут следом.

Брусье. Ужас в том, что не так легко оторваться от чужого разгневанного народа.

Коленкур. Ужас в том, что мы оторвались от своего разочарованного народа.

Боссе (останавливает Коленкура). Надеюсь, что это еще не отступление великой армии?

Коленкур. О нет, это только бегство великой армии.

З А Н А В Е С

Эпilog

Вoет вьюга. Сквозь волны бушующей метели иногда видны брошенные в лесных сугробах обозы, орудия, группы людей и лошадей. Бредут и падают фантастически одетые остатки великой армии.

Поднялась суeta. Кто-то прокричал: «Смирно! Император!» Разнеслось далекое, унесенное вьюгой «ура!»... В сопровождении свиты и гвардии проходит Наполеон.

Наполеон. Лишнее бросать. Пленных расстреливать. Лошадей беречь. Одна лошадь мне дороже десяти человек. Почему армия не греется у зажигаемых деревень?

Коленкур. Деревни раньше сожжены, ваше величество.

Наполеон. Недостойная страна! Я выбрасываю ее из своей игры. Я хотел осчастливить ее, дав ей гражданственность и культуру, так

как она более всех нуждается в моем попечении. Но русские оказались не способны к цивилизации и, как истинные дикари, яростно восстали в защиту своего варварства. А в себя, Коленкур, я верю больше, чем когда бы то ни было.

Коленкур. Великое пламя не задуть никаким бореям, ваше величество.

Наполеон (*взглянув на задуваемый ветром костер*). Хорошо сейчас посидеть у семейного очага! Вы не представляете, Коленкур, как я соскучился по императрице и сыну!

Коленкур. Представляю, ваше величество.

Крики: «Казачи!»

Наполеон скрывается в облаках вьюги. Слышна казачья веселая песня. На поляне, у опушки, Сибилев с казаком. Остановили лошадей.

Сибилев. Подтянуть подпруги!

Спешиваются. У казака перевязана голова.

Ну, как черепок?

Казак. Ни черта, господин вахмистр.

Сибилев. Дай, перевяжу.

Казак. На чорта!

Сибилев (*перевязывает голову казаку*).

Ой, здорово они тебя в пять шашек.

Казак. Подумаешь! Видали, как я у них один три головы снес? А они впятерых одну не встигли. Только поколупали,— даже не счита-

ся. (Осматриваясь.) Вона, сколько их навалило. Мрут — чисто без понятия. Надьсь, на реке, как лопнул под ими лед да пошли на дно и люди и обозы — враз — сердце разрывается...

Сибилев. Врага жалеешь?

Казак. Зачем? Добра жаль. Хоперцы да вёшенцы защучили корпус у берега — добыли ковров, серебра, тюнюргов, бери — не хочу.

Сибилев. Каких это тюнюргов?

Казак. Есть такие. И также дикольтей, чи блинманжей, чи как они там. Прямо, говорят, выручились люди. А мы подскакали к берегу — чисто, только пузыри по реке. Слезой изойдешь.

Сибилев. Будто уж ничем не разжился?

Казак. Истинный бог — чисто. Хоть растебнуться, господин вахмистр.

Сибилев. А в тороках два оклунка.

Казак. Да чего там. в двух оклунках, поместишь? Сухота одна. (Запел.)

Ой, да ты не дуй, не дуй,
С горда не бушуй..

Сибилев (подхватывает).

Ой, да ты, буёи ветер,
Не нанось белого снежочку,

Казак и уехали. За деревьями показались Хрол, Ма-ша и другие партизаны. В сугробе бредут два отставших солдата — француз и вестфалец.

Ф р а н ц у з. О, не могу больше. (Ложится.)

Вестфалец припал к нему.

Да, да, согрей меня дыханьем, брат...

Вестфалец снимает с него одежду и надевает ее. Француз остается раздетый, бросается к нему.

Негодяй!

Вестфалец сбивает его с ног, идет дальше. Х р о л выходит им навстречу.

Х р о л. Стой, мразь!.. (Партизанам.) Миродера пристрелить, собаку!

Вестфалец (подняв руки). Бите, бите...

Х р о л. Это немец. Беспальцы они у них зовутся.

Вестфалец. Бите...

Х р о л. Битый, битый, да не добитый.

М а ш а. Дайте, я эту гадину...

Француз стонет, приподнимается. Маша бросается к нему. Немца уводят. Маша укутывает француза, дает ему хлеба.

Ф р а н ц у з. Куше... куше...

М а ш а. Я же тебе и даю куше. Кушай.

Француз ложится.

Х р о л. Куше-то по-ихнему значит — лежать.

Француз. Дормир... дормир... (Закрывает глаза.)

Хрол. До мира, брат, далеко...

Маша. Ой, помер...

Хрол (наклонился). Вот те—мир... Значит, мир праху твоему. Ложись в нашу пуховую постель. А душу твою ветры буйные на родимый край унесут.

Метель утихает. На поляне становится светлей. По ней проходят русские войска. Слышны возгласы: «Кутузов!», «Кутузов!», «Фельдмаршал идет!» Маша жадно вглядывается в лица солдат.

Маша. Нету, нету.

На поляне собирается народ, депутация.

Хрол. Которые с хлебом-солью, проходи вперед.

С музыкой подошел полк солдат, развернулся фронтом. На поляну въезжает Кутузов со свитой. Его приветствуют.

Командир полка (рапортует). Ваша светлость, Измайловский полк прибыл в порядке.

Кутузов. Здорово, измайловцы... Поредели вы, братцы. (Громко.) Явтух Макотрусенко!..

Макотрусенко. Я...

Кутузов. А... (Подойдя.) Жив. Ну вот я еще раз встретились.

Макотрусенко. Так точно, ваша светлость. Должок за вами.

Кутузов. Какой?

Макотрусенко. Та две чарки, ваша светлость. Ще от Бородинского поля тянутся.

Кутузов. А-а! Ну, получай. Налей, Назар.

Назар наливает. Кутузов подносит две чарки и кусок хлеба. Макотрусенко выпивает.

Говорится: как ни вертись, а с долгами расплатись. Закуси.

Макотрусенко. Уже. Языком их. А хлиб-соль Кутузова дозвольте потомкам передать.

Кутузов (Хролу). А! Старый друг, ну, как? Бьем французов?

Хрол. Так точно, ваша светлость. Ну, лежачего-то бить — секрет не велик.

Кутузов. И то верно. Надо кончать, да и на медведей уж время.

Хрол. Рановато.

Маша (вдруг бросилась к солдату). Ваня!.. Ванюша... Ты... А это же я!..

И в а н. Машенька!

Объятия.

Х р о л. Нашла! Вот, ваша светлость, Маша! Нашла-таки своего красавца!

К у т у з о в. А! Это который всех красивей?

Х р о л. Он и есть. Курносей его нет!

К у т у з о в. А подойдите, подойдите.

Маша и Ваня подходят.

Ну, очень рад. Только вот со свадьбой подождешь. Красавцу твоему еще воевать, а тебе уж домой пора.

М а ш а. А я с ним вместе пойду воевать.

К у т у з о в. А! Ну, счастливо!

С музыкой подходят новые отряды.

Здорово, братцы!

С о л д а т ы. Здравия желаем, ваша светлость!

К у т у з о в. Спасибо за службу верную.

С о л д а т ы. Рады стараться, ваша светлость!

К у т у з о в. Спасибо за храбрость и терпение ваше великое. Немного уж потерпеть осталось. Трудно вам — знаю. Да им-то похуже. Вон они как землю нашу трупами своими усеяли... А кто их просил на эту землю? Что они тут посеяли, что жать пришли? Вот и жнут, что посеяли.

Так было, так всегда будет на нашей земле: кто являлся покорить ее под ноге, не уносил ног, оставляя здесь и головы. Нельзя нас, братцы, покорить. Непобедима русская сила и правда. Силу нашу уже все видят и от нее миру спасения ждут. А правду нашу мир еще увидит и ею спасется. Спасибо вам, орлы, сыны родные. *(Опустил голову, вытирая слезы. Тронул коня.)*

Громкое «ура». Музыка.

К О Н Е Ц

Редактор *С. Коляджин*

А-14955. Подп. в печать 3/III 1945 г.
"Искусство" № 2829. Кол. печ. л. 4 $\frac{1}{4}$
Уч.-изд. л. 4. Эп. в 1 печ. л. 47640.
Тираж 3000. Зак. 1928. Цена 4 руб.

Тип. "Красный печатник" Москва,
ул. 25 Октября, д. 5

Цена 4 руб.